

Мария Воробина

СЛАНЬ
ПОКРОВИТЕЛЕЙ
Земля избранных

16+

Мария Бородина

Длань Покровителей

1. Земля избранных

«Автор»

2015

Бородина М.

Длань Покровителей 1. Земля избранных / М. Бородина —
«Автор», 2015

Мир устроен не так, как написано в учебниках. Одна нелепая стычка может подарить тебе друга. Один шаг в сторону — привести в ненужное место. Одна ошибка — поставить под угрозу благополучие и сорвать маски. Нери, Миа и Кантана знают об этом лучше остальных... теперь. Убить или попасть под трибунал? Предать или потеряться? Обмануть или погибнуть? Третьего не дано!

© Бородина М., 2015

© Автор, 2015

Пролог

«Не вспоминай о том, что было вчера».

Слова звенят в голове заевшим лейтмотивом, как бесконечное пение кукушки в середине третьего сезона. А буря подходит всё ближе: того и гляди, за плечи обнимет. Солит воздух брызгами океанских вод, поднимает к облакам столбы мёртвого песка, мешая на палитре неба серое с красным. Сбежать бы, да некуда.

Нужно спешить.

Волны слюнявят ржавую кромку берега грязной пеной. Следы босых ног быстро наполняются мутной жижей. Прилив отбирает у суши кусочек за кусочком, превращая песок в холодное месиво.

– Ну, давай, ещё раз, – настойчиво шепчет мать и опускает руку на плечо. Её лицо безмятежно, как камень. И это пугает.

Молчи, мама! Ещё минута! Ещё один взгляд на город, что остался позади. Туда, где закатные лучи грызут полуразрушенные небоскрёбы. Издали кажется, будто квадраты окон пылают чистым пламенем. Издали много что кажется...

– Я не могу, – как тяжело это произносить! Вместе со словами из носа вырывается тёплая струйка и бежит к подбородку. Кровь...

– Ты можешь! Времени у нас нет! – голос матери бесстрастен.

Кучерявая туча заслоняет солнце, и на берег опускается серовато-синий полумрак. Стальная молния вспарывает небо, выбеливая мир. Подывание ветра перетекает в раскат грома, и на кожу обрушивается стена из острых игл. Дождь...

Время истекает. Впрочем, оно истекло ещё вчера.

«Не вспоминай о том, что...»

– Не могу. Не! Могу!

В горле застревает крик отчаяния. Юбка мокнет и собирает песок. Волосы впитывают дождь: облепили щёки словно шлем. Гроза распилила мир надвое: там, за стеной небоскрёбов, всё ещё багровеет солнце. Там, куда стальная птица улетела несколько часов назад... Вот бы взмыть в угрюмое небо, подобно пёрышку, и унести прочь, следом за ней.

– На эту тему мы поговорим дома, – одёргивает мать, словно читая мысли. – Делай то, что должна. Самое время вернуться.

Струйки дождевой воды катятся по лицу и шее, проникают под воротник. Сопротивляться бесполезно: добьёт. Доломает. Так было всегда, всегда и будет.

Вдох. Глаза закрываются, а рука сама собой вытягивается вперёд. Слова заклęcia воскресают на губах: знакомые, громкие и горькие, и воздух звенит нотами согласных, что камушками отскакивают от зубов. Теперь нужно немного потянуть руку на себя. Так, словно пытаешься расцарапать пространство. И вот, мир скользит под пальцами, как масло...

Бух! Запах озона щекошет нос. Игра не стоит свеч. Пальцы высекают из воздуха лишь ворох бесцветных искр.

Взгляд матери пронзает тело, как пика. Ледяной, острый, безжалостный: таким можно покалечить:

– Сосредоточься. Ты слишком торопишься.

Несмотря на холод, щёки начинают пылать. И отчего все приходят с советами лишь тогда, когда сделать ничего нельзя?!

– То ты говоришь, что времени совсем не осталось, то призываешь не торопиться! Почему ты вечно указываешь, что и как я должна делать, в конце концов?! – крик саднит горло. Шум дождя и свист ветра сминают голос, превращая в надрывный визг.

– Потому что я – твоя мать. Моё слово для тебя – закон. Я имею право указывать тебе цели, ведь только мудрым советом я могу спасти тебя от бед, – говорит мама холодно и спо-

койно. – Ты никогда не думала, куда идёшь и сможешь ли вообще дойти в этот неуказанный пункт назначения.

Мама знает, как сделать больно.

Слеза катится по щеке и теряется в потоках водяных струек. Отвечать страшно. Но, если промолчать, с песком сравнивает. На поводу идти нельзя: слишком долго шла. И губы произносят:

– Догма – это не совет. Направить – не значит подавить чужую волю.

И пальцы разжимаются, будто лепестки цветка. Фиолетовое пламя срывается с кончиков, прожигая пульсирующим сиянием воздух. И вот, на расстоянии вытянутой руки зажигается искрящийся сгусток. Шипящий шар расплзается, мутнеет, и в широком окне, обрамлённом фиолетовыми языками, проступает другой мир: вековые деревья, свежая ароматная трава, каменная кладка древней стены.

– С четвёртого раза, – громогласно чеканит мать, и в её голосе сквозит разочарование, – и в сад Аэнос, а не в Храм!

– Будь рада хотя бы этому! Или это хуже, чем ничего?!

Мелкая дрожь гуляет по телу. Плечи под намокшим шарфом покрываются гусиной кожей. Это предел. Найденный и достигнутый. Финальная черта, за которой не страшно спросить себя: способна ли мать любить?..

Мать бросает прощальный критический взгляд на побережье, разлохмаченное бурей; на поросшие вереском холмы, багровые от закатного света:

– Пойдём, милая.

И тут же шагает в самое сердце портала. Тело её обретает прозрачность, растворяясь в новом мире. Вот и всё. Подошла очередь: один шаг, и...

Нет. Миссия завершена. Теперь можно, не каясь, подарить матери озлобленный взгляд. В спину. Чтобы не увидела.

Воздух вбирает в себя влагу, и дышать становится сложнее. Языки фиолетового пламени портала разгораются. Кажется, что они отбрасывают блики на песок, но это – лишь прелестная иллюзия, игра импульсов на сетчатке. Он говорил так. Всё, что связано с магией, не подчинено законам физики.

Всё, что связано с чувствами, не подчинено законам разума.

Налетевший порыв ледяного ветра сбивает с ног и заставляет согнуться пополам. Дыхание останавливается на выдохе, опустошая лёгкие. Ноги сами по себе делают шаг назад по сырому песку. Жалкие полметра, но другой мир уже не манит так сильно.

Так и надо. Покровители всегда помогают, если просишь от всего сердца.

Взволнованный голос по ту сторону портала настойчиво зовёт. Ноты дрожат и дробятся на отзвуки, с трудом прорываясь сквозь пространство.

Но разум проясняется. А тучи становятся гуще.

Удары дождевых плетей всё сильнее: почти дух выбивают. Даже стоять тяжело. Там, куда ушла мать, всё иначе. Деревья в недрах портала манят безмятежностью и величественной красотой. Ветерок нежно трогает листья, рождая шелест. Если закрыть глаза, можно почувствовать свежий аромат росы, потрескавшейся сосновой коры, полевых цветов. Этот запах куда приятнее, чем тяжёлый смрад многолетнего пепла и бетонной пыли. Только последний отчего-то дороже...

Волшебный, родной мир теперь дрожит на расстоянии вытянутой руки. Он желает вобрать в себя, укрыть, защитить. И нужно лишь податься вперёд, чтобы оказаться в его объятиях. Чтобы потрогать липкие листья вековых тополей. Чтобы упасть на влажную от вечерней росы траву и вдохнуть полной грудью сладкий воздух... Одна секунда – одно движение!

Но отчего память напоминает о стальной птице, описывающей пируэты над кварталами мёртвого города? О запретном вчера, которое нельзя помнить?

Оттого, что пора сделать шаг.

Шаг назад.

Сердитое шипение почти оглушает: фиолетовое пламя ползёт к центру портала, стягивая разрыв. И знакомый мир сжимается до размеров яблока. Искрящийся сгусток материи мечется над землёй. Маленький взрыв – незримая граница схлопывается, оставляя в память о себе лишь нить белого дыма...

Буря накрывает побережье. Ливень усиливается. Плотная пелена иссиня-серых туч затягивает добрую половину неба, оттеняя бурлящие воды океана. Воздух вокруг тяжёлый и липкий.

Шаги в сторону города легки. Пусть песок комкается под ногами, а ураган сбивает дыхание. Пусть мокрая юбка хлопает за спиной, как парус. Против холода и невзгод есть хорошее средство: волшебный эликсир, что кипит в сердце. Даже когда тебе нет места ни в том мире, ни в этом.

А вдалеке, над сломленными шпилями небоскрёбов, там, куда ещё не дотянулись тучи, кровоточит свежая рана заката. И прощальные солнечные лучи, преломляясь, рисуют радужную дугу над надломленным кусочком мёртвого города.

Глава 1

Диссоциация Нери 42

1

Не вспоминай о том, что было вчера! О фиолетовых вспышках, сумасшедших иллюзиях и...

Осенний вечер, наполненный тёмно-синей дымкой, заглянул в комнату сквозь стекло, и смутные образы померкли в памяти. Так лучше. Намного лучше.

Усталость выходит на финишную прямую тогда, когда дело почти завершено. И сейчас она не промедлила о себе напомнить. Нери потёр веки, прогоняя дремоту. Строчки на мониторе конспектора удвоились, напоминая, что сон сегодняшней ночью – слишком большая блажь. А жаль. Ему бы непременно пригрелось что-то приятное. Гораздо привлекательнее, чем серая реальность, которая изо дня в день маячит перед глазами.

Комната, разделённая пополам ширмой, походила на тюремную камеру... Об уединении здесь можно было только мечтать. Однако ни выбора, ни выхода не было. Два года назад мать, дабы расплатиться с кредитом, вынуждена была продать квартиру в центре, выбрав менее просторную на окраине. Её не смутили ни дурная слава северо-западного спального района, ни постоянный грохот монорельса. Нери, как всегда, ни о чём не спросили, поэтому он промолчал. Чтобы сохранить крупницы материнской любви и понимания, лучше было не открывать свой рот. Вообще.

Глаза искали точки преткновения в череде строчек, но попытки ухватить смысл вновь и вновь заканчивались провалом. Невозможно сосредоточиться на конспекте, когда сон вот-вот тебя одолеет. И когда память то и дело напоминает о вчерашнем дне... А если слышишь чужое напряжённое сопение по ту сторону ширмы – тем более.

Форточка с грохотом захлопнулась, покорившись ветру: осень за окном демонстрировала нелёгкий нрав. Нери потянулся к клавише блокировки. Глаза встретили насыщенно-синий сумрак в застеклённом проёме. Прямо над домом завис задумчивый лик полной луны. Чуть поодаль, почти касаясь крыш, плыл зелёный глаз Фаты. Нери сощурился, поймав гипнотическое сияние спутника, и подпёр подбородок ладонью. Когда он был ребёнком, мать говорила, что отец работает исследователем на Фате. Но доводы были настолько наивны, что годам к шести в голове Нери созрело чёткое осознание двух фактов. Отец – не космонавт. Отец не вернётся.

Хватит лирики, отвлекаться нельзя! Половина одиннадцатого уже. Если дело пойдёт так дальше, завтра его ждёт очень низкий балл. Вот Гандива-то обрадуется! Мировая история допереломного периода – это не физика и не высшая математика, где Нери с его логикой постоянно фартит. Здесь нужна бетонная филейная часть и голая зубрёжка. Гандива так умеет. Нери, привыкший брать головой, а не усидчивостью – нет.

Хорошо бы мама сжалась и забрала Венену к себе! Можно было бы включить музыку и разбудить разум большой кружкой крепкого кофе. Можно было бы... Только мать не подавала голос уже четвёртый день. Вздумалось же Нери – зелёному мальцу – учить взрослую женскую особь, как расходовать платёжные единицы и покрывать выросшие втрое задолженности по кредитам! Тыла для отступления больше не было. И вариантов тоже. Нери не мог договориться ни с мамой, ни с сестрой, ни с физиологией своего организма.

Оставив конспект, Нери поднялся из-за стола и осторожно заглянул за ширму.

Венена растянулась под столом, задрала ноги. Её взлохмаченные волосы разметались по полу, пустые глаза таращились в потолок. Венена обмотала ногу шерстяным шарфом, и теперь размахивала ею, наблюдая, как белые кисти рисуют в воздухе дуги и окружности.

– Венена, – Нери присел на корточки и погладил сестру по голове, – ты не хочешь спать?

– Очешь спать... – механически повторила сестра. – Очешь спать, спать...

Нери отвернулся. Диалог с сестрой был бесполезен. С рождения Венена не реагировала на окружающий мир, существуя в своей оболочке. Мать полагала, что странности Венены – истинное повреждение в результате тяжёлых родов. Её рвение доказать свою точку зрения было понятно: будь вина случая и реаниматоров обоснована, государство выплачивало бы Венене компенсацию в течение всей жизни. Но не всегда всё идёт так, как хотелось бы.

Отчаяние накрывало Нери: каждая потерянная минута вычиталась из времени драгоценного сна. Он посмотрел сестре в лицо, пытаясь поймать отрешённый взгляд и наладить контакт:

– Венена, может, переодену тебя и спать ляжешь?

Венена замотала головой. Похоже, на этот раз достучаться удалось. Но надолго ли?

– Мне к семинару готовиться надо, – вздохнул Нери, пытаясь подавить раздражение. – Ты понимаешь?

– Адо ты понимаешь, адо ты понимаешь...

– Ч-ч-чёрт!

Кровь подступила к лицу, обдав щёки пламенем. На языке заиграл терпкий металлический привкус. Нери швырнул конспектор в кресло и стиснул зубы, чтобы не завывать волком. Венена, не разделив негодования, звонко прыснула, и Нери почувствовал себя карасём, которого обжаривают на сковороде. Карасём без чешуи, с содранной кожей.

– Лучше бы поломка проявилась у меня! – он желал испепелить сестру взглядом. И это получилось бы, если бы Венена хоть что-то понимала. – Никаких тебе забот! Я тоже хотел бы висеть у родственников на шее и мешать им жить!

– Мешать им жить, мешать им жить, – Венена откинула голову, продолжая бесцеремонно размахивать ногами. Её волосы в электрическом свете походили на языки пламени. – Жить, жить, жить...

Нери шумно выдохнул, подавляя крик. Ладони сами собой сжались в кулаки. «Возьми себя в руки, идиота кусок!» – вопил внутренний голос. Всё, что накопилось, требовало выхода. Срочного.

Нери поспешил к выходу. Оттолкнул случайно отказавшийся на пути стул и с размаху ударил дверь о косяк, выпуская пар.

Уф! Так-то лучше. Точка кипения пройдена без потерь. Почти.

Облегчение снизошло вместе с прозрением и щемящим чувством вины. Комок раскаяния подкатил к горлу, мешая дышать. Почему он вечно ищет виноватых и непременно находит их в лице Венены?

В детстве Нери, наслушавшись баек о внутренней связи близнецов, воображал, что может читать мысли сестры. Он часами смотрел в её безучастные глаза, не осознавая до конца глубину катастрофы, и искренне старался угадать каждое её желание. Всё его существо переполняла гордость, когда Венена выпивала стакан воды, что он приносил, или мурлыкала, радуясь подложенной под спину подушке. Воспоминания о детстве заставили глаза слезиться.

Нери закусил губу. Пройдя на ватных ногах пару шагов, приоткрыл дверь в комнату матери и заглянул в темноту. Кто знает, может быть, она снизойдёт до него и заберёт Венену к себе?

Мать лежала лицом к стене, с головой накрывшись одеялом. Уличные огни, прорывающиеся через прямоугольник окна, отбрасывали блики на кипенно-белую ткань наволочки.

– Ма-а-ам, – позвал Нери тихо, – ты спишь?

Напыщенное молчание стало ему ответом. Но поверхностное дыхание матери выдавало её бодрствование. Впрочем, большего Нери не ждал.

Временами, когда Нери ловил на себе потухший и безразличный взгляд матери, он чувствовал, что она обвиняет его в случившемся с Вененой. Он-то появился на свет первым и закричал сразу. Лишние три часа, что отсиживалась в утробе его сестрёнка-двойняшка, стали роковыми. Для них троих.

Независимые эксперты решили, что повреждения у Венены нет. И списали всё на присутствие дефектного гена, что мешает ей воспринимать информацию внешней среды. Подавить его экспрессию нельзя, это необратимая поломка. А значит, вина семьи, её образа жизни и генофонда доказана. Пожизненное клеймо для всей генеалогической ветви. Нери едва достиг возраста межполовой интеграции, но уже знал: удача на личном фронте его не ждёт. Грязные – те, у кого в роду были замечены поломки, – редко заводят семьи и ещё реже воспроизводят потомство. Нери может закончить третий этап образования с наивысшим баллом, стать успешным в любой области, но этого аспекта его жизни не сможет изменить никто. Даже если он будет обладать всеми благами мира, отметка в биологическом паспорте и маленькая татуировка между лопаток будут напоминать о незавидном положении в иерархии биологических особей.

Намеренно лязгнув ручкой, Нери захлопнул дверь и направился в кухонную секцию. Может быть, хоть там удастся сполна насладиться одиночеством, что стало роскошью? Запустил кофе-машину. Спёртый воздух насытился пряным коричневым ароматом.

Глоток крепкого напитка пламенем пролился в горло. Не включая свет, Нери прильнул к огромному окну во всю стену. Темнота улиц наполнялась огнями, бегущими световыми линиями, неоновыми отблесками вывесок. Под ногами пронёсся, сияя расписанными боками, реактивный автобус, оставив тающий люминесцентный след. Тротуары пустовали: лишь влюблённая парочка коротала время на скамейке под окном. Видно, байки о призраках разогнали людей по домам.

Отпив ещё кофе, Нери достал коммуникатор: хоть здесь часть конспектов сохранилась. Читать с маленького экрана не слишком удобно, но на безрыбье и рак – та ещё рыба. Лишь бы не возвращаться в комнату!

Нери блуждал по дремучему лесу событий, имён, забытых географических названий; терял протоптанные тропы и снова находил их. Факты и домыслы историков смешивались в голове в жуткую нелогичную кашу, временная линия трещала разрывами. Несмотря на изрядную дозу кофеина, веки стремительно набирали тяжесть. Проводить вторую ночь напролёт, бодрствуя – это вам не ядерные ракеты запускать...

Ночь, гуляющая за панорамным окном, завладела городом и начала гасить окна многоэтажек. Дорожное движение остановилось: лишь одинокие автобусы изредка нарушали густую тишину шоссе скрипом тормозов.

«Не вспоминай о том, что было вчера».

Промозглый ветер звенел в голых кронах, распугивая птиц. Он тащил с собой охапки прелых листьев, с яростью швыряя рыжие комья в окна домов. Ему не было никакого дела до того, что за одним из них спит прямо за обеденным столом, подложив руку под голову, Нери 42.

2

Коммуникатор разразился ехидным монологом: «Не думай спать, Нери 42!». Нери встрепенулся, как ошпаренный, и соскочил со стула, едва не опрокинув чашку. Кофе на дне давно остыл и потерял аромат. Как просто дать волю слабостям и отключиться прямо за чтением!

Непроглядная тьма за окном оправдала догадки: часа полтора профилонил! В голове царил путанный бардак. Мышцы налились свинцом и отказывались повиноваться командам мозга.

Плевать на историю! И чёрт с ним, с низким баллом; да пусть Гандива хоть лопнет от злорадства. Мозг страстно желал продолжить скитания по красотам царства Морфея, тело настойчиво просило отдыха. Впервые за двое суток Нери по-настоящему осознал истинные масштабы усталости.

Нужно вернуться в комнату и лечь. Венена, должно быть, уже спит. Вот незадача будет, если она уснула прямо на полу: придётся собирать остатки сил и тащить её на диван. И вздумалось же сестрице вымахать почти до габаритов брата!

Узкая полоска света выбивалась из-под двери комнаты, растягивая по полу радиальные лучи. Венена часто забывала выключать свет. Нери с усилием толкнул дверь, готовясь увидеть распластавшееся на полу тело сестры в электрических лучах ламп...

Но вместо этого повторилось вчера. То страшное вчера, что казалось происком большого воображения. То вчера, о котором Нери боялся вспоминать.

Необычайно яркое, фиолетовое сияние ударило по глазам истерической вспышкой. Руки инстинктивно прикрыли глаза. Страх парализовал: всё повторялось! Секунд через десять Нери осторожно раздвинул пальцы и посмотрел сквозь них... Сон как рукой сняло.

Вчера это были просто вспышки. А сегодня дверь комнаты обнаружила бесконечный зал белого камня, обрамлённый тяжёлыми колоннами. Стены, облицованные мрамором, пестрели вставками фресок. С арочного потолка свешивались массивные светильники, только вот вместо привычного холодного электрического огня они распространяли сияние открытого пламени.

Прохладные потоки воздуха зазмеились по коже. Нос зачесался от навязчивого запаха библиотечной пыли. В горле засадило, захотелось чихнуть.

Нери попятился, нырнув в прохладную темноту коридора. Испуг сгрудился ершистым котёнком внутри, погрузив острые когти в самое сердце. Этого быть не может! Отвесив себе мощную пощёчину, Нери зажмурился: может, хоть так удастся вернуться в реальность. На чёрном фоне заискрился беспокойный рой ярко-голубых точек.

Но ничего не поменялось: за дверью творилась необъяснимая ахинея. Таинственный зал по-прежнему манил мерцанием белого камня, приглашая ступить за черту раздела и погрузиться с головой в совершенную иллюзию.

Нери застонал и попятился.

Только теперь он был не один.

Шагах в шести впереди вырисовывалась вытянутая фигура рыжеволосой девушки. Она стояла спиной, чуть склонившись набок. Роскошные копны огненных волос собирались в объёмную шишку, так, что он мог видеть изящную линию её шеи. По плечам струились шёлковые волны одежд светло-кремового цвета, собираясь драпировкой на талии.

Нери проглотил воздух и судорожно кашлянул, пытаясь восстановить дыхание.

Девушка обернулась. Звонкий вскрик птицей сорвался с её губ, заполнил глубину эфемерного зала и вернулся назад смутным отзвуком. Нери опешил. Ноги обмякли, угрожая уронить. Лицо таинственной ночной гостьи было ему знакомо.

– Венена? – произнёс Нери, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание от нереальности происходящего.

– Тс-с... – девушка приложила указательный палец к губам. «Тс-с-с-с...» – пронеслись жутковатые отголоски эха над плечом.

– Венена?! – повторил Нери, борясь с подступающей истерикой. Ужас душил, не давая сделать вдох, гася неродившиеся крики.

Засуетившись, ночная гостья отступила. И прежде, чем пространство между ними смазалось, Нери успел заметить, что девушка побежала прочь. Воздух разорвал громкий хлопок, и темноту коридора озарила болезненно-яркая, короткая вспышка.

Когда белые пятна растаяли, всё вернулось на круги своя. Не было больше величественных колонн и ледяных мраморных стен. Родная комната возникла на прежнем месте, укореняя догадки о нереальности увиденного. Осторожно, словно боясь провалиться в небытие, Нери переступил порог.

Венена мирно лежала на диване, свернувшись калачиком. Прямо в джинсах. Нери приблизился к сестре на цыпочках и осторожно набросил на её плечи тёплое одеяло.

– Ты спишь? – прошептал он дрожащим голосом.

Плотный ободок ресниц Венены приподнялся. Два зелёных глаза смерили Нери прицельным, осмысленным взглядом.

– Холмов всего девять, – произнесла Венена, чеканя каждое слово.

– К-какие холмы, Венена?! – плечи Нери мелко задрожали. Сестра никогда в жизни не заводила ни с кем диалога, за исключением тех случаев, когда она кивала или мотала головой в знак согласия или отрицания. – Что за сны тебе снятся?

– Папа не на Фате, – глаза Венены пристально смотрели на Нери. – Папа не вернётся.

Шумный, пронзительный вдох, похожий на всхлип, ворвался в грудь. Сердце, громко ёкнув, улетело вниз. Страх перед неизвестным парализовал. Рациональных объяснений увиденному и услышанному не было. Разве что...

Диссоциация!

– Но как?! – воскликнул Нери, опешив. – Как ты читаешь мои мысли?! Почему ты...

Мерное, глубокое сопение заставило его замолчать. Венена спала, как ни в чём не бывало, плотно смежив глаза.

Нери зажал ладонями рот, чтобы не закричать. Было ли то, что он только что видел, реальностью? Или это – очередная иллюзия, порождённая воспалённым воображением?

Он приоткрыл створку окна, впустив в комнату дыхание ночного ветра. Глубоко вдохнул запах прелых листьев и уснувших шоссе. Сердце отбивало бешеный ритм, выдавая сто двадцать ударов в минуту. Это диссоциация. Точно! Яркий дебют. Теперь его место – в лечебнице для особей с нарушениями психоструктуры... Тошнота забурлила внутри потоком лавы, и Нери задержал дыхание, чтобы подавить её. Захотелось убежать подальше от этого места, навек слиться с другими мирами, начать новую жизнь...

Но Нери мог лишь глотать горькую правду: бежать ему некуда.

– Тебе никогда не удастся спрятаться от самого себя, Нери 42, – еле слышно прошептал он, теребя кончики длинных волос. – Даже если попытаешься, всё равно падёшь первой жертвой обезумевшего рассудка.

Он заблудился в мёртвом лесу на незнакомой земле. Картины будущего, что казались чёткими и детализированными, постепенно теряли ясность, расплываясь небрежными пятнами.

Слишком много вопросов. И слишком мало ответов.

Обзорный экран с презентацией лекции погас, превратившись в чёрный прямоугольник. Двери лекционного зала распахнулись и с тихим гудением разъехались по сторонам.

Студенты сорвались с мест и потоком устремились к выходу. Поравнявшись с кафедрой, каждый прощался кивком головы с пожилым профессором, а потом спешил к регистратору. Непосещение занятий наказывалось отработкой в неучебное время и мораториями. После того, как аудитория опустеет, списки присутствующих будут отправлены в деканат и подвергнутся строгой проверке. Поэтому ритуалу регистрации отводилась особая роль.

Нери ненавидел большие перемены – нескончаемые отрезки времени, когда студенты разбегаются по факультету, оживлённо вереща. Одни сбиваются кучками в залах и холлах, хихикая, как заговорщики. Другие компаниями совершают рейды до ближайших магазинов и торговых центров, дабы поглазеть на новинки модной индустрии и гаджеты...

Он был из тех, кто в перерывах стоит у стены, смиренно ожидая начала следующего занятия. Из тех, кто ждёт, время от времени поглядывая на дисплей коммуникатора, когда перемена закончится. Чрезвычайно одинокий и чрезвычайно уязвимый в своём одиночестве. Для него не было ничего хуже, чем поймать на себе чужой любопытный взгляд. Но все особи курса и так знали, что он – одиночка, и от этого было ещё более неприятно.

Отогнув манжет рукава рубашки, Нери приготовился к регистрации. Очередь шла быстро: каждому хотелось поскорее покинуть учебное помещение и ощутить, пусть даже на короткое время, дух свободы.

– Нери 42, – знакомый голос Профессора разбавил гомон, когда он сравнялся с кафедрой. Поймав на себе взгляд преподавателя, Нери попытался натянуть улыбку и сдержанно кивнул в знак почтения.

– Хорошего Вам дня, Профессор Юлий 4369, – пробормотал он первое, что пришло в голову, и потупил взор. Получилось неуклюже и как-то лизоблюдно. Да, думалось сегодня туговато: поток мыслей перебивали воспоминания о галлюцинациях. Но Нери опять справился: несмотря на тяжёлую ночь, он выжал максимум по группе – 96 баллов из сотни. Впрочем, ничего удивительного.

– У Вас светлая голова, – будто бы прочитав его мысли, заметил Профессор. – Редко можно встретить особь, чей мозг работает на все сто и не зависает при этом. Такие, как Вы, дают надежду на достойное будущее нынешних пре-имаго.

– Вы льстите мне, – произнёс Нери, ощущая, как кончики ушей становятся горячими.

Два шага до заветной двери. Перед самым регистратором кто-то ловко, но беззлобно отодвинул Нери назад, пройдя процедуру без очереди. Широкая спина, обтянутая ярко-синей водолазкой, мелькнула перед глазами и утонула в мерцающем свете холла. Сомнений не осталось: Шале 487 снова решил выделиться. Кто ещё может вести себя столь вызывающе?

Нери провёл внутренней стороной запястья над красным индикатором регистратора. Чужеродное покалывание пробежало по предплечью. Вверх по руке пронёсся лёгкий электрический импульс и остановился в районе ключицы.

«Нери 42, отделение пространственных трансформаций, курс 3» – выдал монитор. Нери легко коснулся пальцами клавиши «Верно», и монитор регистратора вновь вошёл в ждущий режим.

Предстояло решить, где и как провести следующий час.

Можно было отправиться домой и вдоволь налопаться мамиными харчами. Пора попытаться наладить отношения, в конце концов. Две несчастные остановки монорельса украдут у него лишь жалкие пять минут времени.

Но...

Ничто теперь не сможет заставить его вернуться домой раньше. Более того: теперь он будет искать лишний повод, чтобы задержаться. Дома слишком страшно. Там каждая секунда напоминает о том, что галлюцинации могут вернуться.

Проблема выбора решилась сама собой. Голод, уже во всю дававший о себе знать, отключил сознательную часть мозга и направил Нери в западное ответвление коридора, в сторону факультетской столовой.

Стеклянные двери расступились открывая взору просторное помещение с окнами-витринами от потолка до самого пола. Пахнуло сумасшедшей смесью аппетитных специй, тушёным соевым мясом и жареным топинамбуром.

В этот час столовая была переполнена. Варочные автоматы работали в полную мощь, нагревая воздух. Кондиционеры и вытяжка громко гудели, разбавляя звучный гомон молодых голосов.

Нери отсчитал ботинками три ступеньки и направился к единственному свободному столу в центре зала. Небрежно бросив рюкзак на стул, он провёл запястьем над индикатором в центре стола. Затихшая боль снова напомнила о себе, троекратно усилившись. Индикатор, издав мерзкое пищание, загорелся красным, оповещая посетителей о том, что стол занят.

Нери с готовностью вытащил из ячейки в стене тарелку и блестящие столовые приборы и поспешил занять место в хвосте толпы, сгрудившейся у варочных аппаратов. С долей раздражения он думал о том, что снова придётся активировать чип.

Неожиданно Нери обнаружил, что невысокая белобрысая девчонка, стоящая перед ним в очереди, с интересом глазееет на него, и поспешил отвернуться. Та, впрочем, и не думала отводить взгляд.

– Что, на мне цветы растут? – насмешливо процедила она звучным, высоким голосом.

– Ты первая начала, – буркнул Нери.

– Нужен ты мне больно... – раздалось в ответ.

Пытаясь выразить непочтение, Нери надменно фыркнул и отступил. Лучше будет держаться от неё подальше. Адекватности у этой особи, вероятнее всего, нет даже в зачатке. Воспитанности – тоже.

Странное предчувствие заколотилось в груди. Что-то связывало его с этой девчонкой, но он никак не мог понять, что именно. Он впивался взглядом в её спину, пытаясь увидеть сквозь ткань кофточки клеймо грязных, пока очередь медленно продвигалась вперёд. Девушка не отличалась усидчивостью: она елозила и дёргалась, как бабочка, насаженная на иглу.

– Эй, не мельтеши перед глазами! – не сдержался Нери, с вызовом посмотрев на девушку, когда та начала пританцовывать от нетерпения.

– Тебе-то что, – фыркнула юная особа, всплеснув руками. Что-то вывалилось у неё из-под мышки и с громким звуком грохнулось на пол.

Повинуясь дурацкой инстинктивной привычке, Нери наклонился, чтобы поднять упавший предмет...

Пф-ф-ф, что это? Череп?

Декоративные глазницы из облегчённого пластика недружелюбно смотрели на Нери. Челюсти скалились в зловещей ухмылке, демонстрируя тридцать два блестящих зуба. Габаритами шедевр едва ли превышал размер крупного яблока.

– Лучше будет тебе его не трогать! – носок женского ботинка бесцеремонно отпихнул руку Нери от черепа. – А ну, грабли приberi!

Слегка ошалев от хамства, Нери поднял глаза. Это, конечно же, была та самая шилозадая женская особь. Что-то показалось странным в её взгляде. И неудивительно: разве может быть всё в порядке с психоструктурой у пре-имаго, ведущей себя так?

– Да я... – только и успел пробормотать Нери.

Между тем, девчонка наклонилась и подняла сувенир с пола. А потом подарила Нери такой взгляд, что стало не по себе:

– Не лезь в следующий раз туда, куда не просят!

Нери нахмурился, ощущая, как ярость закипает в груди. Самое время поставить нахалку на место, но он слишком обескуражен её поведением. Рванула душу одной безобидной фразой! Пришла пора поплатиться за альтруизм, что он взращивал в себе ради сестры.

– К такой, как ты, уж точно не полезу, – сдавленно произнёс он.

Девчонка лишь дерзко усмехнулась в ответ и направилась к автомату за основным блюдом. Несколько раз прикоснулась к сенсорному монитору, создавая голографическое изображение будущей трапезы. Большой соевый бифштекс с сыром, салатом из моркови и тройным жареным топинамбуром на гарнир. И как только всё это поместится в такой чудосочной шмакодавке?

Рука неприятно ныла, отвлекая от ненужных мыслей. Нери был даже рад этому... Но глаза не желали выпускать миниатюрную фигурку незнакомки из поля зрения. Слишком задела, расковыряла, как булавка. Вот девушка подносит тарелку к ячейке выдачи. Вот проводит запястьем над индикатором, регулирующим отпуск блюд. И...

Грубое гудение автомата разорвало мерный гул голосов. Красный индикатор зловеще замигал.

Нери фыркнул. Либо у девчонки мораторий на какой-то из выбранных продуктов, либо уже просадила все электронные талоны, начисленные в начале месяца. Впрочем, второе маловероятно: на календаре восемнадцатое ноября. Если учесть, что университет обеспечивает учащихся двухразовым горячим питанием на все учебные дни, то версия с мораторием более правдоподобна. Ведь сожрать столько за полмесяца просто нереально!

Хотя... Если это растрёпанное чудо в перьях ежедневно лопают по тройной порции, почему нет?

Тем временем, девушка повторила попытку. Ответом ей снова стал грубый гул и яростное мерцание красного индикатора.

Незнакомка, тихонько выругавшись, поддела автомат носком ботинка. Нери с удивлением отметил, что шнурки на её миникаперских ботильонах разного цвета. Да и сама она походила на дочь матёрого миникапера. Её олдскульный шмот вышел из моды лет десять назад!

Может, у этой барышни тоже диссоциация?

Исключено. Пре-имаго с грубыми поломками и дефектами психоструктуры вот уже лет сорок как не допускаются до получения образования третьего этапа. От одной мысли об этом похолодело за грудиной. Если всё раскроется, дорога к хорошей профессии и благополучию будет навек закрыта.

– Миа, долго ты ещё будешь укрощать эту штуковину? – раздался возмущённый голос из хвоста очереди. – Не одна ты здесь хочешь есть.

– погоди! – отозвалась девчонка, в очередной раз пытаясь активировать чип.

Автомат снова отозвался рассерженным гулом. Кормить бедную голодную девочку он не собирался.

– Не видите что ли, не работает он, – Миа ещё раз пнула металлический агрегат. Автомат негромко затрещал в ответ. – Смотрите сами!

– Хватит отыгрываться на автомате! – закричал худенький паренёк за спиной Нери. – Если у тебя мораторий, никто в этом не виноват! Нужно лучше изучать свои дорожные карты!

– Какой мораторий? – ответил ему заискивающий женский голосок. – Жрать надо меньше, только и всего.

Очередь, раззадорившись, загудела, подобно улью разъярённых пчёл, в который тычет палкой малолетний глупец. Но Миа, к удивлению, сдаваться не собиралась. Девчонка самоотверженно ждала, когда аппарат соизволит выдать еду, но вновь и вновь он лишь сердито гудел ей в ответ.

– Потихе! – леденяще спокойный голос заглушил остальные. Конечно же, Гандива 2, неизменный староста потока, с его стремлением всегда наводить порядок как всегда встрял, когда это не нужно. – Уважайте других, бескультурные несоциализированные особи!

Нери не любил Гандиву с его вечно лоснящимся, красным лицом, крысятничеством и двойными стандартами, но сейчас был ему очень благодарен. Мало кто из студентов мог держать железной хваткой весь поток. Но в этот раз внушение Гандивы не произвело впечатления на студентов. Лёгкая мишень перед глазами – отличная причина, чтобы забыть нормы общения и предать нравственность. Гул нарастал, голоса вопиющих переполняли возмущение. Столовую накрыла массовая истерия. Какофония звуков сотрясала воздух, и Нери не решался повернуть голову и посмотреть, что происходит. Он по-прежнему держал в поле зрения автомат, выдающий обеды, и девчонку, уже не столь самоуверенную.

Истерика на ровном месте перерастала в скандал. Сзади падали, звонко ударяясь о пол, столовые приборы, разбивались стаканы. Доска нарушителей на факультете, определённо, пополнится завтра десятком, а то и двумя, знакомых имён. Предугадывать последствия своих действий и уметь обдумывать каждый шаг – истинное искусство, наслаждаться которым может не каждый.

Скользкая змея раздражения подняла голову у самого сердца и готовилась зашипеть. Чтобы дать выход эмоциям, Нери принялся отбивать ритм носком ботинка, считая удары.

Десять, двадцать, сорок два...

– Гопники допереломные, – прокомментировал Гандива бесстрастным тоном.

– А не заткнуться бы вам?! – Миа бросила в толпу едкий взгляд.

– Да, – услышал Нери издали свой голос: ровный, привычно монотонный и спокойный. – Не заткнуться бы вам?!

Студенты удивлённо перешёптывались. В Нери копиями вонзилась череда любопытных взглядов, полосая тело. Толпа жаждала хлеба и зрелищ. Нери 42 в бешенстве – редкое, но опасное явление, а неадекватное поведение студента – богатая пища для сплетен!

Ноги сами понесли Нери к автомату: туда, где стояла, потупившись, белобрысая девчонка. Он даже успел подумать на ходу о своём моратории на жареное. Пальцы коснулись сенсорного монитора, убирая с голограммы сыр. Подумав, Нери заменил жареный топинамбур на отварные злаковые изделия и активировал чип. Автомат, сердито фыркнув, выплюнул в тарелку румяный бифштекс, щедро сдобренный фигурными полосками тёртой моркови, и дымящийся клубок мультизлаковых спагетти.

Нери протянул тарелку девчонке. Правую руку пронзали импульсы боли, и сейчас она могла стать ещё сильнее.

– Возьми и не задерживай очередь... Мина... – он старался говорить мягко, но был уверен, что в его глазах плещется ярость.

– Сам ты Мина! Я не просила тебя! – девчонка возмущённо топнула ногой.

– Можешь не благодарить, – выпалил Нери удручённо. – Не забудь и череп свой покорить. С ложечки.

Тень обиды коснулась лица Мии, но всё же она протянула руку за тарелкой и взяла трапезу. Вместо благодарности Нери ждал возмущённый взгляд исподлобья.

Машинально Нери нажал кнопку повтора. Правая рука на мгновение онемела, обдав холодом кончики пальцев. На тарелку Нери упал точно такой же набор продуктов.

Нери обошёл толпу и направился к зарезервированному столу. Любопытные, острые взгляды копиями вонзались в его спину. Молча опустил на стул, стараясь утихомирить бурлящий внутри эмоциональный шквал. Аппетит в мгновение ока исчез, оставив пульсирующие отголоски спазмов под рёбрами. Беспокойство нарастало, сдавливая грудь железными лапами. Диссоциация. Бессонная ночь. Скандал. Сколько это может продолжаться?!

Поворочав вилкой сплетения макарон и пару раз ткнув бифштекс, Нери отодвинул тарелку. Перед глазами по-прежнему стоял незнакомый зал с отделкой из белого мрамора, испуганное лицо сестры – той, другой Венены... Воспоминания порождали едкую тошноту и приступы сердцебиения. Разум штамповал всё новые вопросы; логические нити запутывались в клубки, перетягиваясь морскими узлами. Потерянные тропы невозможно было найти в одиночку. Дурная привычка полагаться лишь на себя теперь только мешала. Тем более что находился он на неизведанной территории...

Только с одним человеком можно обсудить это всё! Но удержит ли он эту маленькую тайну? Выбора не было. Если пережёвывать дебютировавшую диссоциацию в одиночку, эмоции сметут начисто, ускорив прогрессию деградации.

Нери выудил из рюкзака мультикоммуникатор, отключил видеоканал и набрал знакомый цифровой код. Совесть нависла над ним чёрной тенью: последний раз он разговаривал с отчимом две недели назад. Да и тогда звонок был входящим: Лихач поздравлял Нери и Венену с Днём Рождения. Сам Нери звонил отчиму и того раньше...

– Я слушаю! – прорезался насмешливый голос сквозь гомон столовой.

– Лихач! – обрадовано проверещал Нери. Рука дрогнула, чуть не расплескав кофе.

– Тюфяк! – раздался ехидный возглас по ту сторону. – Ну, давай рассказывай, что на этот раз. Снова мать кредитов набрала? Передай этой неразумной женщине, чтобы...

– Нет-нет, с мамой всё в порядке, – Нери поспешил перейти к делу. Лихач как всегда общался в своей прямолинейно-откровенной манере. Это раздражало, но и странным образом восхищало. Ну что ж, по крайней мере, Лихач был честен. – Есть разговор. Личный. Мы сможем встретиться сегодня?

– погоди, Тюфяк. О таких вещах так сразу не говорят с бухты-баракты.

– Ты даже не представляешь, насколько всё серьёзно!

– Тише, тише. Успокойся для начала, Нерд... – голос отчима приобрёл ободряющие интонации.

– Не называй меня так! – Нери раздражённо выдохнул. – Мне помощь нужна, а не твои насмешки...

– Впервые вижу тебя в таком состоянии, парень, – прогундосил Лихач. – Похоже, ты чем-то сильно расстроен.

– Можно и так сказать, – Нери дрожащей рукой поднёс чашку ко рту и отпил немного. – Произошло кое-что страшное, Лихач. Страшное и... не совсем правильное.

– Понял. Жду тебя в пять вечера в «Козодое». Знаешь, надеюсь, как добраться?

– Чёрная линия монорельса, станция «Синеречь», первый этаж дома-посадки, – протянул Нери в трубку. «Козодой», конечно, был не самым лучшим местом для душевных бесед, но сейчас значение имело лишь то, что Лихач был согласен на встречу. – Спасибо тебе.

– Давай, Тюфяк! Не раскисай там!

Короткие гудки хладнокровно оповестили о том, что сеанс связи закончен.

Нери потянулся. Приятная прохлада волной разлилась по телу, расслабляя окаменевшие мышцы. Руки поднесли чашку к губам: наконец-то кофе обрёл свой вкус.

Вопросов оставалось нескончаемое множество, и Лихач вряд ли даст ответ на каждый.

Но, по крайней мере, больше ничего странного не произошло.

Пока не произошло.

Мысли вновь обрели первозданную чистоту, чёткость и свежесть. Нери так глубоко ушёл в себя, что не замечал, как его сверлит глазами девушка, сидящая через стол. Миниатюрная девушка с веснушчатый носом, единственным собеседником которой во время обеда был пластиковый череп.

Вагончик монорельса пронёсся над пиками труб, пересёк ленту загрязнённой речушки и с присвистом затормозил на крыше дома-посадки. Двери разъехались, впуская в салон прохладный осенний ветер.

Нери выбрался на платформу. Тридцатью этажами ниже, за стеной перил, распластался город. Прямоугольные кварталы вереницей убегали за горизонт. Капсулы и машины, снующие по перемычкам дорог, с высоты казались жалкими точками; малые жилые комплексы – спичечными коробками. Осенний ветерок, который внизу ласкал мягкими и дружелюбными прикосновениями, здесь набрал мощь настоящего урагана. Налетевший порыв окатил холодным дыханием с головы до пят, забрался под ветровку, пробирая до костей. Зябко поёжившись, Нери сомкнул под подбородком молнию воротника.

А что, если Лихач вообще не придёт, забыв об уговоре?

Борясь со страхом, Нери спустился к лифтовой шахте. На первом этаже толпа проглотила его, как бушующее море. Странно, но среди людей ему впервые стало легче.

Бар занимал всю восточную часть коридора. Здесь не было ни кричащих вывесок, ни ярких огней: дубовая дверь с маленькой золотистой табличкой, да и только. Поёжившись от неуверенности, Нери потянул ручку на себя. В нос ударил пряный аромат жареного лука. Что ж, по крайней мере, это не смрадный дух алкоголя.

Стены помещения оформляли панели с фактурой потемневших грубых досок. Казалось, что искусственные спилов облицовки источают слабый древесный аромат. Длинные столы параллельными рядами выстроились вдоль стен. Настенные светильники согревали закрытое помещение неярким, почти интимным мерцанием. Посетителей в этот час было мало, и Нери поблагодарил судьбу. Входить в злачный притон, обладая внешностью типичного интеллектуала – это перебор.

Нери несмело оглянулся: пучок длинных волос змеёй скользнул по лопаткам. Лихач, конечно же, опаздывает. Что ж, придётся самому занимать стол. Не так уж и сложно... Он с готовностью отогнул манжету, и уже готов был сделать привычное движение над мигающей красной точкой в центре свободного стола, когда знакомый голос окликнул его:

– Эй, Тюфяк, куда смотришь?! Чем думаешь-то?! Уже двадцать минут тебя жду!

В дальнем углу бара, затенённом перегородкой, сиял, подобно полной луне на полотне ночного неба, самодовольный лик отчима. Лихач потягивал из пузатой кружки пенный напиток. Две верхние пуговицы его пёстрой рубашки были расстегнуты, на подбородке пробивалась чёрная, как смоль, щетина. Отчим вздёрнул руку над столом и помахал Нери; мускулы заиграли под рукавом.

– Давно не виделись, Лихач, – Нери скромно присел на край скамьи, бросив рюкзак рядом.

Лихач по-детски рассмеялся в ответ.

– Ну, давай, рассказывай! – отчим шумно отхлебнул пива: казалось, его совсем не смущало, что нарушает закон у всех на виду. – Судя по твоей кислой mine, дела у тебя никак.

Нери почувствовал, как уголки губ сами собой ползут вниз:

– Никак – это хорошо. А сейчас всё хуже некуда.

– Ну, по крайней мере, одна хорошая новость у меня для тебя есть, – Лихач, лучезарно улыбнувшись, потрепал его по плечу. – Пиво тут подают отменное. Угостишься?

Нери помотал головой. Расстегнул ветровку и, сбросив её, сложил на рюкзаке. Он уже начал сомневаться в том, что идея рассказать обо всём отчиму была хороша.

– Ну что ты краснеешь, парень? Не люблю я твои загадки, – Лихач отодвинул кружку и уставился хмельным взглядом в глаза Нери. – Не стесняйся, рассказывай. С девчонкой ничего не получилось, да?

Татуировка промеж лопаток Нери заныла под рубашкой, прожигая кожу огненным клеймом.

– Какие девчонки?! – показалось, что деревянная лавка утыкана иглами. – Ты что, забыл?! Я – грязный.

Лихач, насупившись, придвинул кружку к себе и щедро отхлебнул. Луч света бросил размытый блик в соломенно-жёлтые волны хмельного напитка.

– Тоже мне приговор, – проговорил он с долей раздражения. Густая тень скрадывала верхнюю часть его лица, превращая чёрные глаза в бездонные впадины. – Мне это никогда не мешало. Как себя поставишь, так и жизнь проживёшь, запомни!

– Может, и не приговор, но препятствие, – Нери скривил губы и отвёл взгляд.

Официантка, одетая в дикарское платье из экокожи и высокие ботфорты, бабочкой скользнула мимо стола и поставила перед ними поднос с чаем и горячими пирожками. Неразборчиво пожелав приятного аппетита, она исчезла так же незаметно, как и появилась. В память о ней остался лишь аромат цветочных духов.

Пустой желудок – не помощник. Особенно если ты собрался говорить о диссоциации. Нери протянул руку к блюду с пирожками. Мягкое тесто податливо прогнулось под пальцами, согрев ладонь теплом.

– Лихач, – начал он робко, – возможно, тебе неприятно будет об этом говорить, но... Я просто уточнить хотел...

Нери замялся. Его корбило, когда приходилось употреблять слово «просто». Оно всегда придавало речи оттенок оправдания.

Лихач оторвался от пива и приподнял бровь: то ли удивлённо, то ли насмешливо. Чёрный агат глаза зацепил Нери острым рыболовным крючком.

– Тебя ведь лечили от диссоциации много лет назад? – пролепетал Нери, стараясь не выдавать волнения.

Брови сошлись над переносицей Лихача, разделив лоб двумя продольными морщинками. Напыщенно-самодовольное выражение мигом исчезло с его лица.

– Да, лечили, – подтвердил он сквозь зубы. – Три месяца взаперти держали, мерзавцы. Только вот диссоциации у меня никакой не было, ясно тебе?

Нери пожал плечом. Не было, так не было. Характерная черта диссоциировавших – отсутствие самокритики. Теперь пришло время сказать главное.

– Я тоже диссоцирую, Лихач, – выдавил Нери. – Сомнений нет. Вчера... и позавчера я видел то, чего не мог видеть в принципе. И мне нужна твоя помощь, как никогда раньше.

Лихач внезапно изменился в лице. Ярость отступила, разгладив морщины на смуглом лбу, глаза расширились. Привстав со скамьи, он оттолкнул стол и наклонился над Нери. Крепко, но безболезненно сжал ладонями его плечи. Кожи коснулся терпкий пивной смрад, заглушив аппетитный аромат свежей выпечки.

– Что бы там ни было, говори, – произнёс Лихач твёрдо.

Бежевый зернистый потолок накренился над головой. Горло сдавило удушье.

– Фиолетовые вспышки. Как пламя, – пробормотал Нери, запинаясь на каждом слове. – Мраморный зал, светильники, горящие открытым огнём. Фрески. И... девушка.

Он не захотел говорить о том, что та, кого он видел, как две капли воды походила на Венену. Или просто не смог сказать.

Гримасы на лице Лихача стремительно сменяли друг друга. Прежнее удивление переросло в маску настоящего ужаса. Он поймал взгляд Нери, его дыхание внезапно стало тяжёлым и сбивчивым.

– Она не касалась тебя? – рявкнул Лихач с надрывом, почти навалившись на Нери.

Посетители бара, слышав боевой клич, перевели на них любопытные взгляды. Не иначе, как ожидали застать жаркое зрелище разборок между двумя пассиями отвязной, эфемерной женской особи.

– Нет, – Нери, сдерживая подступившую тошноту, нашёл силы привстать и усадить Лихача на место. – Не нужно такой экспрессии, прошу. Мы, всё-таки, в общественном месте. Я уже вырос из возраста, когда наказывают кулаками и ремнём.

– Забудь, парень! – Лихач махнул рукой. – Забудь об этом, навсегда забудь! Считай то, что ты видел, страшным сном! Это не повторится больше, и это...

Нери вовремя успел прикрыть рот отчима рукой.

– Пожалуйста, Лихач, – проговорил он удручённо, – говори потише, прошу.

– Это не диссоциация, – выдавил Лихач. – Ты вправду это видел. Просто прими это и забудь.

Нери, пытаясь уговорить бурлящую внутри тревогу, разломил пирожок пополам. Пышное, тёплое тесто расслоилось, обнаруживая начинку из перемолотого соевого мяса и моркови. Но есть уже не хотелось совершенно.

– Почему ты так уверен в этом? – он покосился на раздосадованного Лихача.

– Я не уверен, – ответил тот, – я знаю. Просто знаю. Не задавай больше вопросов, будь любезен. Просто доверься мне: это – не диссоциация, и это больше не вернётся.

Нери сконфуженно молчал, кроша пирожок на стол. Он надеялся найти ответы на вопросы. Но теперь вопросов стало ещё больше.

– Ты сталкивался с этим же? – пробормотал он, на всякий случай, соблюдая дистанцию.

– Я не хочу говорить об этом! – Лихач с силой ударил кулаком по столу. Капельки пива в кружке взметнулись вверх и осели янтарными бликами на стеклянных стенках. – Усвой уже. Ты не говоришь со мной о мнимой диссоциации, я не говорю с тобой о женских особях.

– Ну ладно, прости, – Нери уставился в тарелку. Пышные крошки на белом пластике походили на снег. – Ты тоже пойми меня, я перепугался не на шутку, и теперь хочу найти объяснение...

– Вот мой совет тебе, мальчик, – Лихач сжал губы. – Не пытайся это объяснить. Пожалеешь. Очень сильно пожалеешь. Не копай глубже – ты и так теперь знаешь слишком многое. Я не могу сказать больше. Да, это было: просто живи с этим. Просто живи и считай, что объяснения этому нет.

– Значит, ты знаешь... – сердце Нери бешено заколотилось. Разгадка на расстоянии вытянутой руки, но при этом недоступна.

Лихач оттянул воротник рубашки. В его глазах плескалась усталость.

– Не утомляй меня, Тюфяк, – сухо произнёс он.

Нери уставился в голографический проектор над барной стойкой. Монотонный голос диктора городских новостей бесстрастно оповещал о новых случаях заражения водяным бешенством. Яркие голограммы сменяли друг друга: перед глазами мелькали лица реаниматоров, койки лечебниц, трубки капельниц...

Свет ламп стал мягче: бар переходил в вечерний режим. Уже знакомый, почти осязаемый цветочный аромат накрыл их невесомой волной. Перед столиком, будто бы ниоткуда, снова возникла официантка.

– Что-нибудь ещё? – пролепетала она.

– Нет, – машинально ответил Нери.

– Да, детка, – раскатистым басом прогорланил Лихач, опустив руку на плечо Нери. – Номер один, пожалуйста.

Близоруко сощуренные глаза девушки расширились, выдавая изумление. Пальцы дрогнули, чуть не уронив фиксатор заказа.

– Напоминаю Вам, что... – промямлила она с неуверенностью.

– Детка, ты – обслуживающий персонал, я – клиент, – перебил Лихач. – Я плачу тебе за работу, очень хорошо плачу. Пожалуйста, принеси то, что я требую, и не затягивай.

Девушка покорно опустила глаза. Казалось, что по её щекам сейчас побегут слёзы. Нери стало жаль её: нелепую, неуклюжую и скованную.

– Как там мать с сестрой? – Лихач неловко попытался перевести разговор на другую тему.

Нери проводил взглядом фигуру официантки, пересекающую зал, и неуверенно пожал плечами:

– Как всегда. Ничего нового. Маму ничем не расшевелишь, Венена ходит под себя. Обе на моей шее. Ненавижу обеих, далась мне такая жизнь...

Озлобленную речь прервал шлепок подзатыльника. Кожаный ремешок, стягивающий тяжёлые волосы Нери в конский хвост, лопнул, освободив мощные пряди. Каштановые змейки легли на плечи, полетели на лицо, спрятав зардевшие от ярости щёки. Нери стиснул зубы, чтобы не зарычать от обиды: так его ещё никто не унижал. Он злобно покосился на отчима. Лихач, как ни в чём не бывало, потягивал из кружки остатки пива.

– Будь ты моим сыном, Тюфяк, в стену бы вмял за такие слова, – произнёс он так, будто не имел к происходящему ни малейшего отношения.

– Но ты мне не отец...

– К счастью, – в голосе Лихача послышалось осуждение. – Сдался мне такой неблагодарный сыночка.

Нери кашлянул, пытаясь прочистить пересохшее от волнения горло. Голова отчаянно закружилась, внизу живота зародилась жгучая волна ярости. Она неслась вверх, тяжёлым бременем давя на плечи, застилая глаза чёрной пеленой.

– Да поживи хоть день моей жизнью, а?! – проворчал он сквозь зубы. – Это тяжело, очень тяжело, когда особи, родные генетически, воспринимают тебя только как ресурс!

– Я прожил с твоей матерью семь лет, Тюфяк! – произнёс Лихач в ответ. Нери казалось, что под кожей отчима взрываются молнии и грохочет буря. – Кому, если не мне, знать, что ты фигню городишь?!

– Ты не видел и половины! – пальцы Нери вцепились в край лавки. – Когда ощущаешь всё на себе, день за днём, год за годом, делаешь совсем другие выводы!

– Утомись, парень, – Лихачу по-прежнему не было дела до тонких душевных стенок Нери. – Если мне придётся самому ставить тебя на место, ты не выдержишь.

Нери кипел, прожигая взглядом собственные колени. Пряди волос застелили поле зрения. Кончики пальцев онемели от напряжения.

– Зря я тебе доверился, – прошептал он, чувствуя, как частые удары сердца отдаются в висках. – Если бы я только знал, что ты...

– Ваш заказ, – девичий голос прервал тихий монолог Нери. Официантка поставила в центр стола стеклянную бутылочку с прозрачным содержимым и пару крошечных рюмочек и, развернувшись, зашагала прочь. Ей, видимо, не хотелось в очередной раз стать мишенью Лихача.

Лихач с готовностью потёр ладони. Сомкнув пальцы на горлышке бутылочки, он неторопливо отвинтил крышку. Бесцветная, прозрачная, как вода, жидкость хрустальным потоком наполнила рюмки.

– Кстати, о доверии, – проговорил он, протягивая Нери рюмку, – сделай одолжение, выпей-ка.

Нери осторожно понюхал жидкость. Специфический, едкий запах заглушил мысли, сбив их в спутанный комок. Голова снова принялась описывать окружности.

– Ну уж нет, – он оттолкнул руку Лихача, чуть не расплескав жидкость. – Что за гадость ты мне суёшь?

– Поверь, это из лучших побуждений, – Лихач был серьёзен. – Не отравлю, не бойся. Ты сейчас на пределе, я вижу. Тебе нужно расслабиться и забыться, чтобы не повторить мой путь. Знаешь, каким страшным он был?

Нери, откинув со лба прядь волос, покосился на отчима. Сначала подзатыльники раздаёт, а теперь каким-то гадостным приворотным зельем опоить пытается. Не к добру это.

– Ну? – выпалил он.

Лихач поставил рюмку на стол и беззастенчиво подтолкнул её к Нери.

– Мне даже имя пришлось сменить, – голос Лихача был твёрд. – Глупый, я думал, что это раз и навсегда перечеркнёт мои кошмары. Не помогло. А теперь я вижу, что ты повторяешь мои ошибки. Твой накал скоро превысит критический уровень.

Нери прикрыл глаза. Мутноватый свет, исчерченный плывущими нитями сигаретного дыма, казалось, доставал до сетчатки даже сквозь завесу век.

Лихач прав. На этот раз определённо прав.

– И я не хочу, чтобы ты стал таким же, как я, – продолжал Лихач. – Не хочу, чтобы ты обменял ум, эмоции и свой богатый потенциал на кошмары. Потому что, хоть мы и не родня по генам, Нери, ты для меня – сын. Выпей.

За свои восемнадцать лет Нери ни разу не притронулся к алкоголю: даже на совершеннолетие. Под Новый Год мама непременно доставала где-то бутылку шампанского, и в праздничную ночь, начиная с его четырнадцати, всегда наливала ему возрастную норму. Но один только кислый, тошнотворный запах игристого зелья вызывал отвращение.

Может быть, пришло время проверить, в чём соль? Узнать, почему этот запретный плод сводил в могилы миллионы особей до Великого Перелома?

Резкий, технический запах ощущался теперь менее отчётливо. Нери прикоснулся пальцами к холодному стеклу рюмки. С сомнением во взгляде повертел её в руках, наблюдая, как серебристые блики резвятся в толще жидкости. Осторожно поднёс ободок рюмки ко рту...

Неприятный холодок дымкой скользнул по нижней губе. Открытое пламя струящимся потоком обожгло горло. Бежевый потолок снова накренился: на этот раз опасно, будто готовясь дать трещину. Клубы сигаретного дыма, силуэты людей, деревянные стены слились перед глазами в единое трепещущее месиво. Блики света растянулись в яркие, дрожащие линии.

– Ну и гадость, – пробормотал Нери, борясь с отвращением.

Приятное тепло медленно разлилось по телу. Будто во сне Нери ощутил, как крепкая ладонь Лихача ложится на плечо. И снова Лихач оказался прав: проблемы отступали по мере нарастания головокружения, освобождая место беззаботной радости и приятному безумию.

– Пожалуй, хватит с тебя, – донёсся сквозь плотную стену тумана голос отчима. – Слабачок ты. Детская доза, а уже перебрал.

Нери расхохотался. События предыдущей ночи убегали на задворки памяти, теряясь меж детских воспоминаний и отвергнутых моментов прошлого. Травы забытья проросли сквозь сдобренную ими почву. Фиолетовые вспышки теперь казались игрой полууснувшего рассудка, силуэт Венеры – обычной гипнагогией.

Всё вставало на свои места. А, может быть, наоборот – становилось безрассудным элементом хаоса.

– Пожалуй, надо проводить тебя до дома, – заключил Лихач, помогая Нери надеть и застегнуть ветровку. – Поднимайся, парень!

5

Нери переместился из вагона на знакомую крышу. Ноябрьская прохлада, напитанная запахом сухой древесины, заскользила по щекам, лентами вплетаясь в развевающиеся волосы. Мелкие мушки озноба осели на коже, заставив сильнее стиснуть зубы.

Тёмно-синий ночной воздух бодрил и успокаивал, возвращая трезвость рассудку. В ночи слышалось завывание ноябрьского урагана. Под ногами рассыпались миллионы дрожащих огней, растянулись нитями паутины световые полосы. По кольцу разъезда, опоясывающему спальный район, Нери понял, что не ошибся станцией: он дома.

Лихач вышел следом: теперь суровый и непоколебимый.

– Дальше пойдёшь один, – проговорил он. – И ты знаешь, почему. Я сделал всё, что мог. Квартиру найдёшь?

– Уж как-нибудь... – пробурчал Нери. Теперь он чувствовал себя абсолютно разбитым: вместе со здравым смыслом возвращались волнение и страх. Скорее всего, завтра утром он установит личный рекорд: трое суток без сна.

– Номер квартиры помнишь?

– Двести пятнадцать. Ты за дурачка меня держишь?

– На всякий случай, – Лихач похлопал Нери по плечу. – Всё-таки, тут люди пропадают. С матерью не ругайся. И ещё: если это повторится – звони. В любой час.

Внизу шумели оживлённые перекрёстки. Там дороги чужих судеб пересекались, скручивались витками спирали, а затем вновь расходились нитями бесконечной паутины. Над крышей вздымался пронзительно-синий купол неба, усеянный россыпью лучистых звёзд. Здесь, вдалеке от индустриальных кварталов, звёзды – неотъемлемый элемент ночных городских пейзажей.

– Ты всё знаешь, – обиженно пробормотал Нери, – и прячешь то, что может спасти меня от меня же самого.

– На самом деле, не намного больше, чем ты, – Лихач ободряюще улыбнулся. – Просто пойми и прими: ты не можешь копать дальше. Иначе подвергнешь себя опасности.

Нери лишь звонко рассмеялся в звёздное небо. Хмель ещё не до конца выветрился из крови. Ветер подхватил звук его голоса и унёс за собой, оставив в память лишь колкие отзвуки эха. По-прежнему натянуто улыбаясь, он поспешил прочь, к лестницам.

– Я не шучу, Нери! – бросил вслед Лихач.

Нери поймал возглас, но не мог заставить себя обернуться. Возможно, отчим прав и на этот раз.

В любом случае, копать пока некуда: ржавая лопата нашла на бетонный монолит.

Прозрачный лифт стрелой уносил Нери вниз. Пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, он зачарованно смотрел, как уплывают вверх созвездия, впечатанные в синий бархат небес. Звёзды походили на тонкие пробоины в днище огромного корабля; вода струилась сквозь них пучками света, как предвестник небытия. Долго ли ещё?

Внизу мерцали кварталы. Эта часть улицы в столь поздний час пустовала. Лишь арки автомобильных мостов то и дело пробуждали иллюзию жизни рыком двигателей.

Нери поймал взглядом чёрные квадраты окон своей квартиры. Мама и Венена уже спят. Что ж, оно и лучше!

Пожалуй, стоит просто вычеркнуть из жизни события двух предыдущих дней. Вакуум пустоты послушно заполнил голову, уничтожив сомнения в зачатке.

Глава 2

Когда птицы падают

1

Тридцать третий день третьего сезона, год 319

Девятый Холм засыпал в дымке облаков вместе с нахохленными воробьями, что затихли в кронах деревьев. Лёгкий ветерок целовал листья и гнал по каменистым дорожкам зёрнышки песка.

Скрип золочёных дверей, усеянных каплями огранённых рубинов, прорвал тишину Священной Аллеи. Поправив подол оранжевого платья, расшитый сердоликовыми бусинами, Анацеа ступила на лестницу. Пропахшие дымом и благовониями волосы хранили память о Великом Посвящении.

Кантана жалась к ней так крепко, что, казалось, они стали единым целым. Малышка впервые увидела Великое Посвящение, и её плечи под чёрной тканью накидки мелко дрожали, а глаза блестели от слёз.

– Мама, – проговорила Кантана с ужасом, – что они сделали с Сианом?!

Анацеа натянуто улыбнулась в полумраке:

– Сиан теперь – Покровитель. Покровитель деторождения, которому будет служить Сиазе. Она будет всю жизнь носить пурпурные одежды: ведь пурпур – цвет зарождающейся жизни. Цвет любви, которая приводит к союзу мужчины и женщины, рождению детей...

У подножия Храма, на серебристых скамейках, собралась целая группа людей. Женщины в разноцветных платьях, мужчины в белых одеждах, дети. Они дожидались своего Часа Посвящения. Одна из женщин, молодая и испуганная, прижимала к себе младенца и яростно кричала что-то в засыпающее, пробитое гвоздями звёзд, небо.

Молитвы это были или проклятия?

Кантана поникла. Хрустальная капелька слезы заскользила по её щеке.

– Даже у Сиазе теперь есть, кому служить, – обиженно пробормотала она. Звук её голоса потерялся в шелесте листьев. – А у меня – нет. Какого цвета были бы мои платья, если бы...

– Седьмой день твоей жизни был днём прославления Покровителей Хаоса, – проговорила Анацеа отрешённо. Она не любила, когда Кантана затрагивала эту тему. – Фиолетовый.

Глаза Кантаны возбуждённо заблестели.

– Ух ты! – воскликнула она. – Мой любимый цвет.

Анацеа отвела глаза и осторожно прижала дочь к себе. Кантана осталась непосвящённой, но в этом не было её вины. Вопросы младшей дочери с годами становились всё более прозрачными: они всё чаще напоминали Анацеа о том периоде жизни, который она не желала воскрешать в памяти. И забывать не желала тоже...

Последние ступеньки остались позади. Анацеа и Кантана вышли на вымощенную камнем площадь. Солнце опускалось к горизонту, наливаясь алым. Шаловливый ветер щенком бросился под ноги, заставив подола юбок заиграть волнами.

Дети носились кругами, пытаясь догнать друг друга: звонкие голоса эхом терялись в яблоневых кронах Священного Сада.

– Мама, мама! – женский голос, смеющийся на надрыве, догнал Анацеа. – Вы решили уйти без нас?

Анацеа обернулась, разметав по плечам волосы. Взгляд поймал фигуру старшей дочери – Вайраны. Девушка крепко прижимала к себе маленького сына. Чуть поодаль тихо шли муж Вайраны – Арапонт и сын Анацеа – Элатар. Оба угнетённо смотрели в землю и шептали что-то едва открывающимся губами.

Несмотря на то, что внешнее спокойствие удалось сохранить, сердце сжали тиски ужаса. Скоро, очень скоро Великое Посвящение заберёт у Анацеа Элатара. Через несколько лет он начнёт подыскивать жену и непременно влюбится в одну из девушек Девятого Холма. А потом она обязательно родит ему дочку... Анацеа поймала себя на мысли, что была бы рада, если бы у Элатара родился сын: такой же потешный коренастый мальчишка с медовыми локонами волос.

– Что случилось? – Анацеа вздёрнула подбородок.

– Зейдана плачет у тела мужа! – с презрением выкрикнула Вайрана.

Анацеа, приложив палец к губам, с укором посмотрела на старшую дочь. Вайране Покровители дали двух сыновей, поэтому Акт Великого Посвящения радовал и смешил девушку, подобно тому, как весёлое представление забавляет ребёнка.

– Помолчи, – сквозь зубы выговорила Анацеа.

Ей самой приходилось плакать дважды, и она как никто другой знала, что переживает сейчас Зейдана. В памяти возникли пугающие картины: красные реки крови, расплескавшиеся по жертвенному Алтарю, бесстрастное лицо жреца-вершителя, мужская голова на каменном

помосте... Маленький феникс встрепенулся внутри, расправив огненные крылья: Анацеа захотелось вернуться в Храм к Зейдане, чтобы обнять её, утешить, снова вдохнуть в неё жизнь... Но она не могла так поступить. Правила Посвящения диктовали иное. Через десять минут Вершители уберут тело Сиана в могильник. Зейдану с малышкой отведут в специально подготовленную комнату, где они будут пребывать под надзором жриц, пока не высохнут слёзы первой боли. А в Жертвенном зале настанет новый Час Великого Посвящения, но уже для других.

Зейдана станет сильной и непоколебимой, как мать. Посвящение научит её этому, превратит беспечное мягкосердечие в истинное благородство. Только трудности закаляют волю. Только боль утраты может помочь осознать истинную ценность чувства и открыть новые, неизведанные ранее грани жизни.

– Не смейся, дочь, – с укором продолжила Анацеа. – Первый раз очень сложно понять глубинный смысл великого Акта. Зейдана ещё очень молода. Мне тоже было восемнадцать в день твоего Посвящения.

Шероховатые ступени тихонько поскрипывали в сгущающейся темноте. Они отсчитывали шаги идущих на Посвящение, заставляя сердце Анацеа колотиться чаще. Сдавленный выдох вырвался из горла, и она прижала Кантану к себе крепче. Анацеа неоднократно созерцала Акт Великого Посвящения. Да что там – ей приходилось самой стоять со своими дочерьми в пелёнках у жертвенного Алтаря, рыдая так, что слёзы застилали взор...

А теперь это коснулось и Зейданы. На седьмой день жизни её дочери Сиазе, как и полагается. Крошка никогда не вспомнит лица отца, как и большинство женщин Девятого Холма. Ибо отправиться к Покровителям во имя Посвящения своей дочери – его почётный общественный долг.

Не вспомнит. Если, конечно, лёгочная отпустит Сиазе. Эта зараза вечно пристаёт к слабым недоношенным младенцам. Жрецы на этот раз не были однозначны и не могли сказать ничего определённого.

Из-за растопыренных яблоневого крона выплыло сочное яблоко полной луны. Ветки деревьев разрезали его на крошечные лоскутки. Казалось, что призрачный щербатый лик налит кислым виноградным вином.

Босые ступни коснулись травы, сбрызнутой вечерней росой. Тело пробрал неприятный холодок. Руки обхватили тельце Кантаны. Плечи девочки по-прежнему мелко трепетали.

– Неужели мой муж тоже уйдёт к Покровителям? – задумчиво пробормотала Кантана, подняв вишни чёрных глаз.

Анацеа тревожно покосилась на верхушки яблонь. На синих лоскутках неба одна за другой высыпали звёзды.

Как объяснить Кантане, что у неё никогда не будет ни мужа, ни детей?

В памяти Анацеа всплыло скуластое лицо покойной старшей сестры. Ноацеа, как и Кантана, была непосвящённой. Она никогда не показывала недовольства участью и ходила только с гордо поднятой головой. Её сила духа могла бы стать эталоном для любой женщины Девятого Холма, а смирение вызывало истинное восхищение. Юная Анацеа и её старший брат Винченцо считали сестру твёрдой и непоколебимой, как скала. До тех пор, пока однажды, глубоким вечером, не услышали доносящиеся из комнаты Ноацеа сдавленные рыдания.

– Вырасти сначала, – губы Анацеа едва шевельнулись, создавая для дочери подобие улыбки.

– А я возьму и не отдам своего мужа на Посвящение! – капризно прогундосила Кантана. – Вот не отдам и всё! А если за ним придут – перебью всех кулаками!

Сочная трава, напитавшаяся вечерней росой, приятно холодила босые ступни. Мелкие зелёные яблоки, что спешно покинули родные ветки, отражали лучи лунного света. Казалось, что Покровители рассыпали по газону сада сотни серебряных монет.

Анацеа расправила юбку, присела на корточки и крепко прижала девочку к себе, спрятав лицо у дочери на плече. Шёлковые пряди волос Кантаны, пахнувшие свежестью и летними цветами, коснулись её щёк.

– Мама, ты что? – Кантана робко попыталась высвободиться из объятий, но Анацеа держала её крепкой хваткой. – Мам...

Не произнося ни слова, Анацеа коснулась сухими губами щеки дочери и отвернулась.

Анацеа не могла допустить, чтобы Кантана увидела, как она плачет.

2

Семьдесят шестой день четвёртого сезона, год 327

Солнечный свет завладел миром...

Пронизывающие и такие горячие для конца четвёртого сезона лучи клубились в воздухе, делая его похожим на парное молоко. Пёстрые блики плясали по стенам; по столам, что выстроились полукругом подле кафедр. Кантана недовольно сморщила нос. Плечи под толстой накидкой покрылись каплями пота: того и гляди, загорятся ярким пламенем! Высшая мера Инквизиции, не иначе! Она не без зависти оглядела слушающих. Почти все сбросили с плеч разноцветные накидки, и лишь непосвящённая Тилен сидела напротив, укутавшись в глухой чёрный палантин.

Говаривали, что до Возмездия Покровителей четвёртый сезон бывал холоден и дождлив. Что в лесах в первый месяц плодоносили грибницы, а деревья сбрасывали листву уже к середине второго. Кто знает, кто знает...

Размяв плечи, Кантана вернулась к записям. Вспомнить, о чём только что вели речь, оказалось невозможно. Монотонный голос Наставницы навевал дремоту. Казалось, что её слова начисто лишены смысла.

Как же хочется растянуться прямо за столом, покорившись порывам лени!

Луч лениво скользнул по ладони. Лиловые блики матового оконного стекла волочились за ним, обхватывая запястье браслетом. Солнце дарило ей настоящие аметисты! Кантана томно прикрыла веки, отгородившись от мира завесой ресниц. Если бы всё сложилось иначе в первые дни её жизни, она носила бы яркие фиолетовые одежды. Она имела бы право снять накидку, обнажив плечи. И непременно расшила бы подол платья аметистами цвета вечерней дымки... Но у Покровителей были другие планы: они даровали ей угрюмый цвет вороного крыла, бесправие и горькие чёрные агаты.

Наставница басисто вещала о роли женщины и мужчины в обществе, о сакральности Акта Великого Посвящения. Как бы лекции ни начинались, чему бы ни были они посвящены – истории или окружающей природе – заканчивались они всегда одним и тем же.

Усталый вздох вырвался из груди Кантаны. Наставнице важно было донести до них эту информацию. Ровесницы Кантаны находятся в преддверии замужества, и многим из них скоро впервые придётся увидеть Акт Великого Посвящения. Некоторые из слушающих, правда, уже присутствовали на Посвящениях; но стоит ли объяснять, что всё будет совсем иначе, когда они произведут на свет дочерей? Ведь у Алтаря окажется не дядя, не брат, не муж сестры, а тот, кто стал для тебя смыслом жизни.

Губы Кантаны изогнулись. Её-то это не коснётся ни коим боком! Хоть какой-то плюс непривилегированного положения.

Сасси повесила жёлтую накидку на спинку стула. Вальяжно расправив острые плечи, она кинула на Кантану победоносный взгляд. Её рот вяло шевельнулся, но Кантане не нужно было овладевать искусством чтения по губам, чтобы понять посыл. «Знай своё место» – вот всё, на что способен острый ум Сасси Альтеррони.

Кантана гордо показала обидчице язык и, ища поддержки, взглянула на Тилен. Та покусывала губу, едва сдерживая смех. Бисеринки пота рассыпались по раскрасневшемуся от жары

лбу Тилен, лицо походило на разваренную картофелину. Кантана сама вряд ли выглядела более привлекательно, но деваться было некуда.

Запах раскалённой книжной пыли обрёл насыщенность; к нему примешивался аромат прелой древесины и мела. Воздух стал горячим, сухим и тяжёлым: каждый вдох давался невероятным усилием. Вот когда скучаешь по проливному дождю, бушующим ураганам и звонким грозам!

Наставнице следовало бы закончить нравоучения и отпустить их, но она увлеклась рассказом настолько, что напрочь забыла о времени. Даже красавица Сасси, обычно с воодушевлением слушающая Наставницу и то и дело поддакивающая ей, уныло косилась в пол, накручивая на палец светло-русый локон.

– Женщина непосвящённая не представлена Покровителям, и именно поэтому они не могут поддерживать её магический потенциал, – подытожила Наставница, уставившись на Кантану. Она всегда смотрела на неё или на Тилен, когда говорила о непосвящённых, – При отсутствии поддержки Покровителей имеется высокая вероятность установления связи с деструктивными силами. Поэтому любая попытка непосвящённой женщины применять магию пресекается в зачатке и наказывается четвертованием и пожизненной ссылкой.

Кантана снова взглянула на Тилен, стараясь придать лицу насмешливо-высокомерное выражение. Тилен подмигнула: уж она-то знала, что означает эта гримаса.

– На этом наша беседа закончена, – проговорила Наставница, складывая бумаги в кожаную папку. – Жду ваших вопросов.

Кантана нерешительно почесала затылок а затем подняла руку, разогнав облачко мелких пылинок. Сасси почти испепелила её взглядом.

– Скажите, Наставница, почему Покровители не поддерживают наш с Тилен магический потенциал, но всё равно с нами связываются?

Тишина на несколько секунд воцарилась в аудитории. Что-то недоброе произойдёт сейчас: Кантана поняла это по надменному блеску в глазах Наставницы.

– Госпожа Бессамори, не провоцируйте меня, – голос Наставницы, разорвавший тишь, был холоден и спокоен, – Вам тяжело среди избранных, но скромность и смирение даруют Вам счастье.

Сасси визгливо хихикнула. Молния пробежала меж лопаток, спускаясь к пояснице. Ах, как Кантана мечтала отправить нахалку на Мёртвый Континент, напрочь отрезав ей все возможности вернуться обратно!

– Я, вообще-то, прогноз на будущее не просила, – Кантана закатила глаза.

Морщинистое лицо Наставницы исказила недовольная гримаса. Она выглянула из-за кафедр, как стервятник, готовый в любой момент кинуться на добычу.

– Смирение и скромность, запомните это, госпожа Бессамори, – Наставница щёлкнула в воздухе сухими пальцами, породив ярко-голубую вспышку. – Я не хотела бы видеть Вас или Вашу подругу четвертованными: без рук и языка.

Кантана усмехнулась. Угрожает? Само собой, все они начинают запугивать, когда замечают инакомыслие! Кантана хорошо чувствовала расстановку сил, и точно знала, кто в случае конфликта одержит победу. Только вот доводить дело до этой стадии было невыгодно. Всё же, Наставница ещё три года будет отравлять ей жизнь. Сохранить хорошие отношения сейчас – важный приоритет.

– Ясно, – выпалила Кантана. – Простите мне мою дерзость, Наставница.

– Я прощаю Вас, – Наставница ссутулила жилистую шею, как гусыня. – И я отвечу на Ваш вопрос. Представьте себе руку, что намеренно берёт молот. А что будет, если молота нет? Пустое движение. Конечная цель достигнута не будет, так как при отсутствии молота это невозможно. В Вашем случае всё точно так же. Не организм реагирует на сигнал Покровителей, а

Покровители на сигнал организма. То, что Вы называете связью, для Вас – просто не имеющее значения явление.

– Если нет молота, я возьму пилу! – ответила Кантана, не сумев побороть врождённый дух противоречия.

– Вы за старое, госпожа Бессамори? – Наставница скривилась.

Риторический вопрос не требовал ответа. Что ж, пусть Наставница считает так, как хочет считать: правду-то все знают. Кантана проводила взглядом удаляющуюся фигуру. У неё была тысяча и одна причина не доверять Наставнице.

Слушающие, наконец, оживились. Аудитория наполнилась девичьим смехом, шуршанием бумаг, гомоном голосов. Сасси поднялась с места, невзначай пихнув Кантану локтём, и набросила на плечи расшитую цитринами накидку. Высокомерная усмешка играла на её губах, раскосые голубые глаза полыхали дерзкими переливами. Кантана давно показала бы Сасси, где раки зимуют, если бы не их вынужденное родство: два годовых цикла назад кузену Кантаны приспичило жениться на кузине Сасси.

– Ох, Кантана, – пробормотала Сасси, продолжая закручивать локон вокруг указательного пальца, – жаль, что непосвящённых не допускают на спецзанятия. Нам одну забавную вещь вчера рассказали. Оказывается, уже семнадцать лет по Девятому Холму бродит Длань Покровителей – девушка, обладающая особым видом магии. Она может уничтожить целый мир, если захочет, но может при необходимости и спасти его. Никто не может её обнаружить, но Верховная Жрица – Шандрис – чувствует её присутствие. Мне кажется, что я – Длань Покровителей, как ты считаешь?

Ох уж эта Сасси! Знает ведь, паршивка, что Кантана не любит быть второй. Превосходство демонстрирует: и неважно, что весьма сомнительное. Проходили, знаем.

– Кто-кто? Дрань? – Кантана растянула губы в усмешке. – А может быть дрань?

Сасси, явно ожидавшая бурной реакции, застыла на месте, как оплётанная. Губы её приоткрылись, обнаруживая два кроличьих зуба. Даже пышные складки юбки поникли вместе с нею.

– Я могла бы сейчас подключить магию, – с угрозой в голосе процедила Сасси. – Могла бы подпалить тебе юбку, или ножки. Но тебе ведь даже ответить будет нечем. Слабых не обижают, пустышка.

Метод Сасси – эмоциональный прессинг. Неизвестно, что получалось у неё лучше: воспламенять предметы или разжигать чужой гнев. В подобные моменты Кантане всегда хотелось пойти на крайние меры. Но нельзя... Кантана посмотрела на Сасси, имитируя твёрдый и холодный взгляд матери. Это далось ей нелегко – внутри бушевал самый настоящий пожар.

– А зачем мне магия? – пожалала плечом девушка. – У меня и кулаки хороши.

И прежде, чем Сасси успела возразить, Кантана легонько толкнула её в живот. Волна гнева, что копилась внутри, вырвалась наружу вместе с ударом. Всё элементарно: закон отражения.

Сасси приоткрыла рот, как рыба, выброшенная на берег бурным течением. Согнулась пополам: жёлтая накидка блеснула цитриновыми искрами. Благородно-русые кудряшки, строптиво изогнувшись в воздухе, упали на худые плечи.

– Ах, – томно простонала она.

Напряжение витало в воздухе, накаляя атмосферу всё сильнее. Вокруг сгрудились другие слушающие. «Кантана Бессамори, что ты делаешь, ты же убьёшь её!» – отчаянно завопил кто-то. В этом визгливом призыве слышался неподдельный испуг.

Кантана усмехнулась. Вот притворщица! Жалость своих подружек вызвать пытается, не иначе. Она-то знала точно: Сасси не было больно. Лёгкий тычок ещё никого не калечил.

– Хватит, – на плечо Кантаны легла рука Тилен. Обернувшись, Кантана поймала печальный, как у сенбернара, взгляд. – Ты ведь знаешь, из-за чего она бесится. Оставь её, проигравших не бьют.

Конечно, Кантана прекрасно понимала причину ехидства Сасси. И крылась она вовсе не в том, что Кантана вынуждена была до окончания своих дней носить чёрные одежды и покрывать плечи. Насмехаться над непосвящёнными – моветон. Всё было куда прозаичнее и банальнее. Гая – родного брата Тилен, которого Сасси предусмотрительно выбрала себе в мужа – не интересовал никто, кроме Кантаны.

– Что ж, – Кантана вскинула бровь, – мне Гай не нужен, слышишь, Сасси? Не соперница я тебе вовсе. Отношения мне заводить нельзя, да и не в моём он вкусе. Но...

Чёрные тени силуэтов на мраморном полу всё сильнее растягивались, клонясь к дверям. Толпа слушающих согрелась отблесками довольных усмешек. Глупенькие – наверняка, воспринимают её речь, как белый флаг. Кантана покусывала губу: нужно было подобрать красноречивое и меткое слово для финального удара.

– Но ты его не получишь! – подытожила она, злорадно ухмыляясь. – Потому что недостойно себя вела!

Тилен за её спиной наконец-то засмеялась в голос. Но никто больше не захотел поддерживать Кантану в этой потасовке.

Сасси закипела. Лицо её перекосила гримаса недовольства. Если бы Кантана опустила взгляд ниже, она заметила бы красноватое сияние, исходящее от ладоней соперницы.

– Ты сама напросилась... – прошипела Сасси, вытянув руки.

Запах горячей ткани вывел Кантану из оцепенения. У ног танцевали огненные язычки. Подол платья тлел, испуская сероватые нити едкого дыма.

– Почтенные Покровители! – выругалась Кантана, в ярости топнув ногой. – Тоже мне инквизитор!

Она захлопала руками, сбивая пламя. Но рыжие языки исчезли столь же внезапно, как и появились, оставив в память о себе лишь небольшую закопченную выемку на подоле.

– Сасси, полно! – низкий голос прогремел над плечом Кантаны, и, врезавшись в противоположную стену, разбежался по залу эхом. – Ты убить её решила?

Бримэ, конечно же это была Бримэ с её заклятием молчания. Кантана, ранее считающая плотнотелую жрицу столь же бессильной и бесполезной, как среднестатистическую непосвящённую, наконец-то поняла, насколько на самом деле важна и мощна её магия.

Сасси выглядела так, будто её ударили ножом в спину. Она опешила. Сухие губы приоткрылись, выпуская наружу сиплый стон.

– Пойдём, – твёрдо сказала Бримэ, – не доведёт тебя это до добра.

– погоди, – Сасси тщетно пыталась возразить, – я должна показать, где её место!

– Я не позволю, – прокричала Бримэ, потянув подругу за руку. – Ты и так уже глупостей натворила.

Сасси надменно скривила губы; глаза её полыхали желанием возмездия. Вот только мстить пока было нечем: Бримэ отобрала тот самый молот, о котором говорила Наставница.

– Спасибо, Бримэ, – пробормотала Тилен. Её голос потерялся в бессильном стоне Сасси. – Здесь могла случиться катастрофа...

Кантана незаметно наступила подруге на ногу. Нельзя было делать даже тонких намёков на то, что должно остаться в тайне; а особенно в присутствии недоброжелателей. Тилен виновато ойкнула и прикрыла рот ладонью.

– Могла, – согласилась Бримэ. – Сасси – очень сильная стихийница. Покровители дали ей опасный дар. Осторожно, Кантана, осторожно...

Бримэ за руку выволокла ошолобевшую Сасси из аудитории. Несколько девушек, наблюдающих за потасовкой со стороны, поспешили за подругами, размеренно цокая каблуч-

ками: самое интересное закончилось. Остальные слушающие давно разбрелись по домам: мало кому хотелось задерживаться в неуютной обстановке.

Оставшись в одиночестве, Кантана и Тилен заискивающе переглянулись.

– Осторожно, Кантана, осторожно! – отчеканила Кантана слова Бримэ смешным басом. – Да они и половины не знают!

Тилен подняла на подругу печальные глаза.

– Зачем ты ударила её? – непонимающе пробормотала она.

– Ну, во-первых, не ударила, – махнула рукой Кантана, – толкнула. Как я дерусь, она ещё не видела. А во-вторых, она... Она назвала себя Дланью!

Кантана тщательно скомкала исписанный лист бумаги и, прицелившись, запустила его в каменную урну. Тишину разбавило едва уловимое шуршание.

– Сегодня идём? – она покосилась на Тилен. – Я раздобыла новый метод, не терпится опробовать.

Тилен энергично помотала головой и упёрлась ладонями в столешницу. Блики лучей мишурой заскользили по её бледному лицу, оттеняя тёмные круги под глазами.

– Кантана, – проговорила она неуверенно, – это всё опасно. Это – риск. Мы не должны...

– Ну вот ещё! Что за занудство, Тилен?! – Кантана дерзко вскинула голову, разбросав по плечам пряди волос.

– Я просто объективно оцениваю ситуацию, – Тилен посмотрела серьёзным взглядом на подругу. – Я не хочу остаться четвертованной и жить в Пропasti.

– Бросить вызов всему миру – вот что мы должны сделать! – Кантана сердито сдвинула брови. Казалось, что пространство вокруг разрывают на клочки разряды молний. – Нас уже четвертовали, подруга! Облачили в чёрное, лишили семьи, детей. Магия – это последнее, что у нас осталось. И даже этим они запрещают пользоваться!

Тилен жалобно заскулила. Солнечные лучи путались люрексом в её стриженных тёмно-русых волосах.

– Только не сегодня, – буркнула она под нос. – Завтра, Кантана. Завтра.

– Я рада, что ты меня поддерживаешь, – на лице Кантаны заиграла удовлетворённая ухмылка.

Девушки схватили вещи и наперегонки ринулись к выходу, догоняя свои тени. Беломраморная аудитория, заполненная пыльным воздухом, опустела. Лишь солнечные зайчики, окрашенные в разные цвета стёклами витражей, продолжали носиться по кипенным стенам, как последние посланники уходящего тепла.

Поговаривали, что до Возмездия третий месяц четвёртого сезона приносил ледяное дыхание упокоения. Что холодные ветра в эту пору отчаянно резвились в голых кронах деревьев, а воду рек по утрам схватывала тонкая короста льда. Говорили, что ближе к межсезонью непременно выпадал снег, покрывая землю тонкой белоснежной периной. Для горожан эти слухи уже давно остались частью волшебных сказок, которые матери любят рассказывать детям перед сном.

Снега на Девятом Холме не видели уже более ста лет.

3

Дубовая дверь скрипела, болтаясь на массивных петлях. Ветер, прогретый солнцем, врвался в проём с нахальством юнца: он тащил за собой пыль и пожухшие листья. Голые ветви отбрасывали кружевную тень на крыльцо, поросшее бархатистым мхом. Воздух хранил запах водоёма и свежей древесины.

Кантана выбралась из наставни, спугнув стайку жирных голубей. Прохлада коснулась лица после жара глухих коридоров, сорвав с губ улыбку. Ветер подхватил подол платья и протаскивал по крыльцу, испачкав в пыли.

Ноги отсчитали три ступени вниз. Ещё одна стайка голубей, шумно хлопая крыльями, звлилась в холодное небо прямо перед лицом. Неуклюжие чайки деловито сновали поодаль, выискивая в трещинах уцелевшие семечки и хлебные крошки.

Кантана ускорила шаг. Деревья, покрытые замшелой корой, уплывали назад. Ненавистное здание наставни приближалось к горизонту, превращаясь в размытую линию.

Расшитые агатами рюши накидки развевались за спиной, как чёрные крылья. Каблуки лакированных туфель подняли феерию брызг, когда Кантана с разбегу перескочила через лужицу. Она по-ребячески засмеялась, глядя на летящие капли, что отливали всеми цветами радуги. Впереди были долгие часы свободы! И казалось, что за спиной разворачиваются настоящие крылья.

Ветви деревьев разрезали небо на фрагменты фантастической мозаики. Птицы сшивали клочки облаков смелыми стежками и сеяли по ветру тревожный писк. Природа хорошо чувствует последние тёплые дни. Скоро, совсем скоро наступит холодное межсезонье. А затем власть примет первый сезон – время мертвенного спокойствия и беспробудных снов.

Преодолев сквер, Кантана вышла на рыночную площадь, выложенную щебёнкой. Это была часть её обычного маршрута. Часы бойкой торговли подошли к концу, и теперь под навесами из грубой ткани царил печальная пустота. Лишь две торговки ютились в конце ряда, собирая товар в плетёные корзины. Кантана пригляделась: одна из них, кажется, несколько циклов назад служила в гостинице её кузена.

– Добрый день! – Кантана помахала рукой. Вытянутый отпечаток тени на земле повторил её движения. – Да помогут вам Покровители!

Одна из торговок – сморщенная женщина почтенных лет в синем бархатном платье – бросила Кантане румяное яблоко, искрящееся мёдом:

– Пребывайте в здравии, юная госпожа Бессамори!

Кантана поймала летящее яблоко и с аппетитом надкусила гладкую кожицу. Мякоть засияла белизной из надлома, кисло-сладкий сок окропил губы.

– Благодарю Вас! – прокричала она. Ветер подхватил фразу, утопив её в шелесте опавших листьев и хрусте ломающихся веточек.

Фигура Кантаны, углубившись в пролесок, превратилась в чёрную тень и потерялась меж древесных стволов.

Когда шорох шагов стих, женщины, оставив свой товар, настороженно переглянулись.

– Жаль мне её, бедняжку, – пробормотала старушка в синем платье. – Каково это знать, что обречена на вечное одиночество и бессилие?

– И не говори-ка, – подытожила вторая женщина. Она выглядела моложе своей товарки, ярко-алые одеяния оттеняли бледность её кожи, – а ведь такая хорошенькая! Была бы завидной женой с её-то родством. Мать в Совете, дядя держал «Чёрную гвоздику», куда к Покровителям не отправился...

Неловкое молчание затрепетало в воздухе. Лишь шелест сухой травы да посвистывание птиц нарушали напряжённую тишину. Корзины сгрудились у ног торговок, зияя пустотой. Ветерок трепал волосы женщин: ни одна не решалась подать голос, будто бы разговор затрагивал запретную тему.

Внезапный хлопающий звук разогнал облако неловкости. Из подлеска близ пустующих торговых рядов, с ускорением рассекая воздух, вырвался голубь. Энергично размахивая крыльями, он описал мёртвую петлю над площадью. Резко уйдя вниз, он почти коснулся грудью земли, а затем снова начал набирать высоту, поднимаясь под острым углом. Птица пушечным ядром пролетела между женщинами, едва не задев крыльями их удивлённые лица, и столь же внезапно потерялась в лесной поросли за их спинами.

– Почтенные Покровители! – выпалила бледнокожая. – Вот это да!

– Подумаешь – птица какая-то, – с презрением прогундосила старушка, закрывая яблоки полосой льняной ткани.

Сдавленный, хриплый полувздых-полустон бледнолицой стал ей ответом.

Старушка подняла взгляд на товарку. Та стояла столбом, оторопев. Рука бледнолицой, обтянутая кроваво-красным атласом, приподнялась, указывая строго вперёд.

– Разрушители! – завопила она истошно. Эхо с издёвкой отчеканило её слова, запутав их в ветвях деревьев. – Покарай меня Возмездие! Они здесь!

Старушка с опаской приподняла голову над корзиной с яблоками. Седые нити её бровей изогнулись над переносицей, лоб рассекли линии морщин. Тонкие, как палочки, руки беспомощными плетью повисли вдоль туловища...

Нечеловеческий вопль снова сотряс воздух.

Яркие, сочные яблоки градом рассыпались по траве...

В самом центре рыночной площади метало искры неизвестно откуда возникшее огненное кольцо. Только огонь отчего-то был фиолетовым, а не алым. В портале смутно проступали контуры зданий, однако мир совсем не походил на тот, что ежедневно привыкли видеть жители Девятого Холма.

Угловатые башни с прямоугольными окнами подпирали небо, уходя под облака. Между ними паутиной раскинулись нити дорог, по которым сновали туда-сюда удивительные округлые упряжки без тяги. Там – по ту сторону – небо походило, скорее, на грубый бетонный монолит, чем на отрез лазурного атласа.

Старушка сдавленно застонала. Зубы её принялись отбивать чечётку, по морщинистым щекам побежали волны дрожи. Хрупкие руки потянулись к груди:

– Разрушители... – прохрипела она, зачарованно глядя в центр кольца. – Почтенные Покровители! Они, они...

Налетел ветер, подняв к облакам столбы пыли. Тени на щебне заплясали, переплетаясь тонким кружевом. Бледнолицая что-то яростно забормотала себе под нос. Затем её рука взмыла вверх, породив яркую вспышку. Вылетев из ладони женщины, световая стрела ударила точно в кольцо. Разряд отразился от невидимой преграды и полетел обратно. Бледнолицая едва успела увернуться от собственного огня.

– Да чтоб тебя... – выругалась она. Её отчаянно трясло, полупрозрачную кожу покрыли мурашки. – Духи неуспокоенные! Эх, беда!

– Смотри, смотри! – старушка снова показала на огненное кольцо.

В недрах дрожащей бездны раздался глухой гудок. Звук натужно вибрировал, терял ноты, будто бы прорываясь сквозь плотную преграду.

Из самого центра панорамы стремительно и гордо выплывал металлический червь нерельефных размеров. Серебристые бока дробили лучи потустороннего солнца. Раскосые глаза чудища кровожадным взглядом косились на торговков, предрекая их скорую кончину.

– Возмездие грядёт, Аэнэ, – старушка подняла руки над головой, расправила ладони и четырежды провела ими сверху вниз, вдоль туловища. – Духи не могут успокоиться. Видно, люди недостаточно чисты и не выносят уроков из прошлого.

Червь подползал всё ближе. Его чёрные глаза почти затягивали в себя. Массивное тело чудовища теперь заняло всю панораму, загородив головной частью скопления башен. Шум нарастал: несмотря на то, что он доносился будто бы сквозь толстую прослойку ваты, в нём отчётливо прослушивался жутковатый свист и металлический лязг.

Аэнэ повторила за старушкой ритуальное движение и застыла перед прилавком, как вкопанная. Голодный взгляд червя заставлял кровь смерзаться в сосудах. Спасения ждать было неоткуда: ещё пара секунд, и их тела окажутся погребёнными под массивным телом чудища.

– Прощай, Аэнэ, – старушка смело подняла лицо к глазам кровожадного монстра, голос её был твёрд и спокоен. – Прощай.

В ту же секунду короткий хлопок разорвал воздух. Языки фиолетового пламени погасли. Магическое кольцо сжалось и сошлось в одной точке.

Таинственный монстр бесследно исчез. На месте огненного круга проявились деревья. Теперь лишь спутанные нити белого дыма, уходящие в небо, напоминали о произошедшем.

Потерявшая от неожиданности равновесие Аэнэ грохнулась на гору корзин. Оборки алой юбки взметнулись в воздух, как пламя. Старушка заботливо протянула ей руку, помогая подняться.

– Что это было? – пробормотала Аэнэ, едва двигая обескровленными губами.

Старушка лишь скупой пожала плечом в ответ. Кончики её пальцев мелко дрожали, выдавая волнение.

Сухой треск ломающихся веток снова заставил торговков завопить. Несколько обломанных сучков, расписанных разноцветной плесенью, упали в мёртвую траву. Обуянные паникой женщины крепко прижались друг к другу.

Вслед за обломками в траву шлёпнулось что-то большое и мягкое.

Аэнэ осторожно раздвинула траву носком туфли. Вымученный выдох с клокочущим свистом вырвался из её горла. Она отползла назад, пачкая платье разводами пыли.

В траве, раскинув сизые крылья, лежал мёртвый голубь.

4

Каменистая дорожка извивалась меж пучков сухой травы. Кустики арники сиротливо дрожали у обочины: ураганы четвёртого сезона сорвали с них последние листья, и теперь вверх торчали лишь растопыренные пальцы голых веток. Лёгкий ветерок стелился по земле, поднимая облачка сухой пыли.

Витые изгороди домов отбрасывали кружевные тени. Ноги уверенно несли Кантану вглубь квартала: туда, где голубой лоскут неба сходил с дорожкой. Острые углы крыш выплывали из-за деревьев, сверкая чешуёй черепицы, и тут же уносились назад.

Родной дом было заметно за километр: он, как маяк, манил торчащей в небо серой башенкой. Стрелочка-флюгер гуляла по кругу, покоряясь забавам ветерка. Пожухший плющ поднимался по стенам до самой крыши.

Ещё издали Кантана заметила на крыльце сестру. Зейдана опиралась на кованые перила, будто ожидая кого-то. Недоброе предчувствие поднялось в груди, окропило мурашками плечи: наверное, кто-то в округе тяжело болен. Зейдана служила в жреческом активе, и за ней частенько посылали даже с другой окраины Девятого Холма.

Как в подтверждение догадки, Кантана заметила серебристый чемоданчик у ног сестры. Зейдана обычно брала его с собой на родовспоможение. Значит, Девятый Холм сегодня поприветствует нового жителя. И, если это будет девочка, простится с одним из мужчин семь дней спустя...

Заметив сестру, Зейдана подняла ладонь, обтянутую светло-голубой перчаткой. Её круглое лицо, обычно улыбчивое и сияющее, на этот раз было сосредоточенно-напряжённым; в задумчивом взгляде янтарных глаз читалась тревога.

– Моё почтение, сестра, – поздоровалась Кантана, открывая калитку.

Ответа не последовало.

Кантана осторожным шагом приблизилась. Напряжение нарастало с каждой секундой. Тишина становилась невыносимой.

– Зейдана? – робко позвала она. – Что-то произошло?

– Дериадэ родила, – монотонно проговорила Зейдана, игнорируя приветствие. – Два часа назад... Девочку...

Ноги Кантаны потеряли опору. Мир перевернулся, подобно мячу, подброшенному в воздух: земля сошлась с небом в насмешливом танце, солнце рассыпалось на пылинки...

То, чего больше всего боялась семья Бессамори, стало частью реальности.

– Родила?! – вскрикнула Кантана. – Но ведь срок ещё не подошёл! Ей носить ещё половину сезона!

– Так бывает, – Зейдана сжала губы. – И это опасно. Думаю, ты понимаешь, чем. Ребёнок очень мал и слаб.

– Но если это девочка, – Кантана захлебнулась в догадках, – значит... Через семь дней Посвящение заберёт Элатар?!

Зейдана молча кивнула, подтверждая догадки. В глазах её засверкали слёзы. Непокорный медовый локон выбился из пышной причёски и скользнул волной по виску.

– Брат мой! – простонала Кантана на надрыве. – Почтенные Покровители, за что?!

– Мы будем сильными, сестра, – Зейдана положила руки на плечи Кантаны и попыталась натянуть свою обычную улыбку. – Мы должны радоваться этому событию, помнишь?

– А если девочка не выживет?! Что станет с Дериадэ?! – выплонула Кантана.

Невыносимая волна жара поднялась к горлу: говорить это при сестре не следовало. Однако во взгляде Зейданы не появилось укора или злобы. Лишь уголки губ слабо дрогнули. Едва уловимо...

– Я ведь всё ещё жива, верно? – пробормотала Зейдана растерянно. – Глубокие раны не затягиваются, но время стирает память. Время – лучший лекарь, Кантана.

Кантана виновато опустила взгляд. Румянец ошпарил щёки.

– Прости меня, сестра, – прошептала она, – не понимала, что говорю...

– Думай прежде, – Зейдана с горестью склонила голову.

Громко хлопнув дверью, Кантана переступила порог и погрузилась в пространство огромной гостиной. Приятный запах воска и затушенных фитилей наполнял воздух. Свечи здесь гасили редко: плющ, обвивший стены дома снаружи, занавешивал окна плотной сетью.

Полумрак принял её, затянув в свои объятия. Золочёный орнамент обоев улыбнулся вензелями завитков. Велюровые кресла у дальней стены протянули точёные ручки красного дерева, приглашая принять покой.

Рояль в затенённом углу скалился рядом пожелтевших клавиш. Кантана провела ладонью по растрескавшейся полировке крышки. Пальцы игриво коснулись клавиш: звук аккорда, задрожав трепетной бабочкой, взмыл под потолок и резко оборвался.

Новость, которую сообщила сестра, не шла из головы. Ещё вчера Кантана горделиво рассказывала Тилен о старшем единокровном брате. Рассказывала, даже не подозревая, что через восемь дней Элатар уйдёт к Покровителям. Сильная, коренастая фигура брата возникла перед глазами. Элатар шёл навстречу, сдержанно улыбаясь; лукавые янтарные глаза его излучали тепло.

Таким он ей и запомнится.

Порыв ветра, летящий из сада, распахнул дальнее окно. Линии света тонкими полосами протянулись по роскошному шерстяному ковру. Солнечные блики застыли на ступенях лестницы, бегущей на второй этаж, размазались по кованым перилам.

Кантана ещё раз погладила клавиши, и вереница нот сорвалась с кончиков пальцев. Интересно, каково сейчас Элатару? Каково это: знать, сколько часов и дней тебе осталось жить?

Каково это: знать, как именно ты умрёшь?

Большие часы над роялем предательски тикали, отсчитывая секунды до неизбежного.

Как же хотелось забыть ужасную весть! Вычеркнуть её из памяти раз и навсегда и проснуться наутро с абсолютно пустой головой.

Но ещё больше хотелось распахнуть дверь и выпрыгнуть в голую пустоту четвёртого сезона. И убежать прочь. Без остановок, не оглядываясь назад, оборвав все нити...

Кулаки размашисто ударили по клавишам. Полно!

Рояль отозвался пронзительным завыванием диссонанса.

Кантана заплакала вместе с ним.

5

– Так значит, через шесть дней твоего брата отправят к Покровителям? – Тилен закусила полную губу. Холодный ветер безжалостно ерошил её русые волосы.

Кантана нехотя кивнула:

– Представляешь! Ну кто, кто всё это придумал?!

Они пересекали поле, поросшее дикой календулой: две чёрные фигуры на сером холсте неба. Огненные звёздочки цветков вокруг купались в алчных лучах солнца, загорались яркими вспышками среди пожухших трав. Пронизывающий ветер, дующий с севера, нёс с собой запах сырости и холодное дыхание океана. Угрюмое межсезонье стояло на пороге, протягивая костлявые пальцы в поднебесье.

– Ничего не поделаешь, – вымолвила Тилен, пытаясь поймать на лету подол чёрного платья. – Вам придётся подчиниться и смириться. Так прописано в Положениях.

– Мало ли, что там прописано, – процедила Кантана, борясь с нахлынувшим возмущением. – Твоя мать же не блюдёт Положения? Иначе она давно уже отдала бы тебя Совету.

Кантана стряхнула с подола сухие листья. Ветер подхватил их и унёс волоком назад вместе с густыми клубами пыли.

– А твоя блюдёт что ли? – Тилен приподняла бровь. Её кожа лоснилась в солнечных лучах. – Или ты думаешь, что она всегда говорит правду? Может, её третий муж сбежал, когда узнал об измене? По твоей внешности уж никак не скажешь, что твой отец – блондин.

– Моя мать – в Совете, – проворчала Кантана. Она не могла терпеть, когда тема разговора затрагивала вопрос её появления на свет, хотя прекрасно понимала, что не всё с этим чисто. Достаточно было увидеть в зеркало свою смуглую кожу, чёрные вишни глаз и смоляные волосы. – Там – только Избранные.

– Свежо придание! – фыркнула Тилен, вздёрнув в небо острый нос.

Какое-то время они шли молча, разгоняя развевающимися платьями сухую пыль. Длинноногие грачи бесстрашно сновали мимо, выискивая меж травяных стеблей птичьих лакомства. Глаза их походили на смоляные бусины.

– У тебя бывает так, что магия выходит из-под контроля? – неожиданно пробормотала Кантана.

– Нет, – ответила Тилен, – но такое случается у тех, кто плохо обучен. Мама говорила, что вокруг посвящённых девочек, которые не обучаются в Наставнях, порой происходят страшные вещи.

– У меня всё чаще, – призналась Кантана. – В основном, тогда, когда налаживается кровная связь. Я боюсь, что мама узнает.

– Да уж, – Тилен шмыгнула носом, – твоя мать – не моя. Она точно не сделает скидку на родство и четвертует тебя собственными руками.

Кантана тяжело вздохнула, подняв глаза в серую мешковину неба. Стаи птиц в вышине тщетно рвались к югу, собравшись в дружные косяки. Их вёл за собой птичий инстинкт самосохранения. Однако, он жестоко обманывал их: после Возмездия живых земель к югу от Девятого Холма не осталось – об этом знали даже маленькие дети.

– И что ты намерена делать дальше? – снова подала голос Тилен.

– Не знаю, – пожала плечом Кантана. – Зейдана посоветовала колдовать до изнеможения, пока никто не видит. Чтобы выжать все силы. Но это не всегда помогает.

Иссохшее поле, пестрящее оранжевыми цветками, осталось за спиной. Тропа преломилась под прямым углом и побежала по краю обрыва, утопая в лохматых пучках вереска. Опасная линия тянулась вдоль побережья, достигая горизонта. Край надлома огораживала металлическая сетка. Ниже, растянувшись на долгие километры, лежала лишь Пропась – место постоянного обитания ссыльных.

Непонятное, сердитое шипение прорезалось сквозь свист ветра. Плечи Кантаны дрогнули: то ли от холода, то ли от испуга.

– Вот, снова, – буркнула она, не поворачиваясь.

Шипение нарастало, переходя в возмущённое фырчание. Тилен обернулась, борясь с порывами ветра. Над землёй, шагах в тридцати позади, болтался дрожащий фиолетовый сгусток, по размеру не больше яблока. Белёсые искры осыпались вокруг снегопадом.

– Протуберанец, – пробормотала она. – Ничего страшного. Сейчас уйдёт.

– Я устала, – пролепетала Кантана, – устала бояться. Я, возможно, могла бы чего-то достичь в жизни, если бы не саван, в который меня облачили...

Она с ненавистью встряхнула подол платья. Огранённые бусины агатов сердито звякнули. Следом воздух сотрясли громкие хлопки, похожие на выстрелы духового ружья. Пространство справа взорвалось мириадой искр.

– Ничего себе, – фыркнула Тилен. – Если будешь так шутить, тебе прямая дорога в Пропасть!

Кантана подняла глаза на подругу:

– Я ничего для этого не делаю, Тилен!

Свист ветра проглотил её надрывный крик. Пучки вереска, торчащие вдоль тропинки, отчаянно затрепетали. Перепуганные грачи, спешно покинув землю, устремились ввысь.

Кантана остановилась, беспомощно опустив руки. Ужас ядовитой змеей ползал под кожей. Накидка вздулась на плечах.

– Надоело! – рывкнула она сквозь зубы.

Тилен сосредоточенно посмотрела ей в лицо и выпалила, стараясь перекричать ураган:

– Может быть, ты что-то от меня скрываешь, Кантана?

– Да что я могу от тебя скрывать? – пожалла плечом Кантана. – Мы ведь обязались помогать друг другу.

Тилен нахально ухватила Кантану за подбородок, приподняв её лицо. Отчаянный порыв ветра наотмашь ударил по щеке.

– Ты точно та, кем являешься?

Кантана медленно, но настойчиво пресекла жест подруги.

– Уроки этикета прошли мимо, да, Тилен? – она агрессивно сощурилась. – Кем, ну кем я могу быть, кроме как Кантаной Бессамори?

– Ты знаешь ответ, – сурово отрезала Тилен.

– Да объясни уже, что у тебя за помешательство? – выкрикнула Кантана. Её голос зазвонел над долиной натянутой струной. – Я понятия не имею, что ты имеешь в виду!

Тилен энергично встряхнула головой и опустила взор. Ветер заставлял её волосы плясать вокруг затылка; лучи солнца скупо подсвечивали их тонкие кончики, создавая подобие нимба.

– Забудь, – пробурчала она отрешённо. – Считаю, что я просто тебе завидую.

Тилен вырвалась вперёд и побежала по тропе, обгоняя клубы пыли.

Кантана одиноко стояла под потоками океанского бриза. Холод межсезонья пробирал до самых костей, заставляя съёживаться. Чёрные, как смоль, волосы водопадом упали на лицо. Кожа покрылась шершавыми точками мурашек.

Самое время развернуться и поспешить домой, показательно продемонстрировав глубокую обиду. Самое время наказать Тилен за непозволительную беспардонность и заставить её плясать под свою дудку. Но на этот раз привести план в исполнение было не так просто.

Кошмар был рядом. То, что Кантана считала детской игрой и пустым баловством во имя самоутверждения, неуклонно набирало силы, выходя из-под контроля. И для того, чтобы обуздать это проклятье, нужна была помощь верного соратника.

Кому ещё она могла довериться?

Презируя саму себя, Кантана ринулась вслед подруге, наперерез острым воздушным копьям. Источённые стебли сухих трав ломались под подолом. Сердце захлёбывалось бешеным ритмом, угрожая выпрыгнуть из груди.

Одна лишь мысль вертелась в голове, превращаясь в болезненную навязчивую идею...

«Ты точно та, кем являешься?»

Глава 3

Шестая причина

1

Край платформы вздрагивал под носком ботинка. Глухие ритмичные толчки – чёткие, как барабанная дробь. Монорельс отпустил в никуда очередной поезд. Седьмой, кажется...

Перегнувшись через загородку, Миа 4813 смотрела вниз – туда, где нити улиц резали полотно города на квадраты. Тридцатью этажами ниже ноябрьский вечер вступал в свои права. Сонные ладони ветров гладили чьи-то плечи, развевали полы плащей. Многоэтажные жилые комплексы зажигали окна. Деревья тянули голые лапы ветвей в небо, пытаясь удержать улетающих птиц...

Крыши притягивали Мию не надменной красотой городских пейзажей. Здесь, на высоте тридцати этажей, в объятиях дикого ветра, она особо остро чувствовала тонкую грань, отделяющую жизнь от небытия.

Гусеница состава промчалась мимо, выплюнув Мии в спину облако дыма. Ноябрь окатил потоком колючей прохлады, и кожа покрылась мурашками. Спутанные волосы упали на лицо, серебрясь в тусклых лучах солнца. Зябко скорчившись, Миа откинула волосы назад и запахнула пальто.

Мимо пролетела стая голубей, взорвав воздух хлопаньем крыльев.

Крепко вцепившись в металлическую решётку, Миа наклонилась ниже и вдохнула аромат городской бездны. Из-за покатога края платформы выплыл бетонный забор. Он тянулся вдоль улицы понурой линией, огораживая внушительный территориальный участок. Здания, укрытые за ним, были весьма разномастны: от сиротливых коробов-бараков до сияющих куполами крыш стеклянных дворцов.

Мельница... Закрытая испытательная лаборатория, ассоциированная с тюрьмой для обезличенных. Там преступники, приговорённые к высшей мере, наконец-то получали возможность расплатиться с обществом за причинённый вред. В стеклянных дворцах, за бетонной оградой в три этажа, ведущие учёные и реаниматоры города вершили судьбы тех, кто после исполнения приговора не имел даже имени и личной истории. Самое жуткое и самое опасное место в городе лучше всего просматривалось именно отсюда: с посадочной платформы монорельса «Синеречь».

«Ты только ради этого сюда припёрлась? – отчеканил ехидный голос в голове. – Повисеть вниз головой над Мельницей?»

Миа вздрогнула. Кольнуло под ложечкой. Болезненные причуды воспалённого воображения снова взяли своё. Когда же этому придёт конец?! Попятившись, она скинула с плеча рюкзачок и достала из него полимерный череп. Зияя пустыми глазницами, он улыбался ей во все тридцать два искусственных зуба.

Миа капризно закусила губу и погладила череп по буграм лобной кости.

– Хватит смеяться, Азазель, – произнесла она. – Только и можешь пугать меня... Ты ведь знаешь, что выхода мне не найти. Ещё и усугубляешь всё!

Да, это был настоящий тупик. Статичная безысходность длиною в семь месяцев. Изо дня в день ничего не менялось. Было так же больно, как и в самом начале её личного Великого Перелома.

«Почему же? – проговорил череп с усмешкой. – Выход есть всегда. Вниз, например».

Миа вдохнула холодный воздух, пахнувший экотопливом и бетонной пылью, и зажмурилась. Девочки её возраста кидаются с крыш из-за несчастной любви, анорексии и ссор с родителями, но какими же незначительными были эти поводы в её глазах! Но людям всё равно: сделает шаг вниз – как пить дать, перевернут всё, приравняв к таким же демонстративным истеричкам.

Люди лгут себе и другим; домысливают пробелы, заполняя их выдумками. Люди создают полотна совершенных иллюзий и занавешивают ими окна, чтобы не омрачать себе жизнь страшной правдой. Они говорят, что бесконечной ночи не бывает. Они говорят, что непроглядная тьма – верный предвестник рассвета. Они говорят, что время лечит...

Как же они глупы!

Смелые солнечные блики, прорвавшиеся через брезент осенних туч, стрельнули сквозь веки, оставив на сетчатке изумрудные пятна. Лодыжки задрожали, только на этот раз платформа была пуста.

Несомненно, её единственный друг прав... Транслирует, подлец, голос подсознания. Миа недовольно сморщила нос.

– Толкни! – парировала девушка. – Давай, прикажи мне: «А ну прыгай!» Заставь меня, умник. Подкинул, однако, решение, на осуществление которого у меня не хватает воли!

Пассажиры монорельса муравьями суетились позади, выходя с лифтовых лестниц на платформу. Их слишком занимали повседневные заботы и совершенно не интересовала странная девушка, говорящая с незримым собеседником.

Вдалеке послышался гудок поезда. Металлический скрип и дребезжание сотрясли прозрачную глубину осени. Гусеница состава вынырнула из-за горизонта и заскользила над улицей, отражая солнце. Воздух наполнился запахом топлива и накалённого металла.

«Рано, – отреагировал Азазель, – у тебя есть как минимум шесть причин остаться».

– Ни одной не вижу, – проговорила Миа. Звук её голоса утонул в громохании состава, заходящего на посадку. Платформа под ногами заходила ходуном.

«Давай помогу, – бесстрастно отозвался череп. – Твоя мать чуть не умерла, вынашивая тебя. Ты обязана ей жизнью. Один. Твой отец, который очень за тебя беспокоится. Два. Незаконченная стажировка – вот третья причина. Без сертификата ты – никто, а родители хотят видеть тебя хотя бы субреаниматором. Оправдай их надежды, будь умницей».

– Тоже мне причина... – Миа фыркнула. – У меня под кроватью полная корзина грязного белья – это, наверное, повод номер четыре?

«Желание отмщения. Вот твой номер четыре. – Азазель укоризненно смотрел на подругу мёртвыми дырами глазниц. – Хотя бы это ты не можешь отрицать, Миа 4813».

– Пятую давай, – Миа обиженно надула губы.

«Твоё состояние, – ответил Азазель, – Ты уверена, что сейчас адекватно оцениваешь действительность?»

Поезд пронёсся мимо, подняв самый настоящий ураган, и с присвистом затормозил на платформе. Двери вагонов с гудением разъехались по сторонам. Колкие пылинки полетели в лицо. Миа прикрыла глаза рукой и закашлялась.

– И в этом ты прав, друг, – пробормотала она разочарованно, – только вот аргументы у тебя из пальца высосанные. Сразу видно, что мозга нет. Спорим, что до шестой не додумаешься?

Взгляд пустых глазниц Азазеля отозвался лукавством. Полированные зубы блеснули чистой платиной, заставив Мию сощуриться.

«Шестая причина в том, что твоя цель рядом, – подытожил Азазель. – Обернись, Миа».

Миа покосилась на своего полимерного друга. Показалось, что усмешка безупречно выточенных из полимера челюстей стала особенно ехидной.

«Быстрее, глупая!» – скомандовал Азазель.

– Не обзывайся!

Беспокойство стрелой пронзило грудь, заставив сердце захлебнуться тахикардией. Миа задержала дыхание и резко развернулась. Развевающиеся полы пальто хлопнули по икрам. Городские кварталы смазались в дрожащую линию, жилые высотки поплыли по кругу.

Взгляд встретил толпу горожан, торопящихся на посадку. Пропустив поток выходящих, светливые особи погружались в вагоны, занимали места, вставали вдоль стен, держась за поручни...

Внезапно глаза выхватили в бушующем столпотворении знакомую фигуру. Миа застыла на месте: мышцы налились воском, отказываясь подчиняться командам мозга.

– Это что, шутка? – сорвалось с её губ. – Прочь, прочь, убогое видение!

Он словно был частью иной, параллельной реальности. Он существовал вне толпы, в своём собственном измерении. Время для него, казалось, текло медленнее, чем для торопливых пассажиров, сгрудившихся на платформе. Его выдавали плавные, сонные движения и задумчивый взгляд, прожигающий пространство насквозь и выходящий за его пределы.

Миа сжала зубы, сдерживая рык подстреленного зверя. Уж кого-кого, а его она не желала видеть точно. Второй раз за день – это уже слишком. Сегодняшнего позора в столовой хватило сполна. Надолго.

Остановившись метрах в десяти, объект проводил пассивным взглядом последних пассажиров. Ветер трепал его длинные волосы, стянутые в низкий хвост. Парень дёрнул пальцами молнию: воротник непромокаемой ветровки сошёл под гладко выбритым подбородком.

– Ну, Азазель! Ну, зараза! – Миа поспешно отвернула лицо, чтобы не встретиться глазами с юношей.

«Я не об этом, – отозвался Азазель. – У тебя есть должок – вот шестая причина».

Юноша, впрочем, был слишком увлечён собственными мыслями, чтобы озираться по сторонам. Он постоял минуту-другую на платформе, со скучающим видом изучая географию городских кварталов, а затем скрылся в шахте лифтовых лестниц.

Миа с облегчением выдохнула. Не заметил. Ветер выдохнул ей вслед.

Городские кварталы цвели пестротой крыш. Кучевые облака над головой, сливаясь, превращались в тучи. Воздух, потеряв едкую ноту горения, насытился запахом озона и прелых листьев.

Но глаза уже не желали замечать красок осеннего пейзажа. Крепкий, высокий силуэт вырисовывался в памяти... Ухоженные волосы, неторопливая походка. И плечи: робко ссутуленные, будто бы он стеснялся выделяться.

«Ты ведь хотела увидеть его, Миа 4813, – замурлыкал Азазель, – я-то тебя знаю, как облупленную!»

– Сейчас кое-кто полетит вниз! – рявкнула Миа.

«Решилась всё-таки?» – голос в голове проникся нотками иронии.

– Я не шучу, ты, дебильный кусок пластика!

Азазель послушно затих. Лукавая полимерная улыбка превратилась в сухой оскал. Возразить ему было нечего: он находился заведомо в проигрышном положении.

Миа закрыла глаза, подставив щёки потокам прохладного воздуха. Нашёл, пустоголовый, чем задеть! Все его слова – не более чем глупая игра больного воображения. Но...

Всё же, в одном Азазель был прав. Она хоте...

...у неё есть должок, и она его вернёт!

2

Утро заглянуло в окно солнечной вспышкой. Нери зажмурился: глаза пронзила боль, отрикошетив в затылок. Последствия хмельных возлияний в компании Лихача оказались несладки.

Чёрт с ней, с головой... Главное, что его не тошнит. Уже не тошнит.

Или пока не тошнит?

Нери тщетно пытался стянуть волосы в хвост, стоя перед зеркалом. Таким угрюмым, слабым и бледным он видел себя впервые. Да и ощущал тоже: тело будто прессовали бетонными плитами всю ночь напролёт.

Из глубины зеркального омута на него глядел незнакомый человек. Бледный, помятый, грустный и немощный. Нери критически осмотрел чужака и ухмыльнулся. Отражение синхронно скопировало его улыбку. Что ж, придётся смириться с горестным фактом: это он, Нери 42.

Хорошо, что у него хватило сил доползти до душа после эпичной ночи. По крайней мере, цвет лица уже не отдавал зеленым. Головокружение то набирало силу, то сходило на нет, как кратковременный дождь в середине весны. Царящий в кухне запах кофе и ванили казался омерзительным.

Кожаный ремешок в который раз обхватил волосы у корней. Оставалось лишь затянуть его покрепче. Ну, давай же!

Нери напряг мускулы, пытаясь превозмочь дикую слабость. Правая рука в который раз нещадно заныла, но дело на этом не закончилось. Пальцы ослабли, отпустив кончик ремешка. Кисть руки непроизвольно сжалась в кулак, а затем распрямила фаланги, вновь позволив мозгу установить контроль над мускулами.

Волосы дождём рассыпались по плечам. Очередная попытка привести себя в порядок обернулась крахом. Страх подкатил к горлу приступом удушья. От плексопатии Нери мог ожидать чего угодно, но она ещё ни разу не выделявала такие фокусы с его рабочей рукой.

– Ж-ж-ж-жесть! – выкрикнул он, проклиная сам себя.

Незнакомец в зеркале скривил мину в бессильной ярости.

– Жесть... – повторил Нери уже тише.

Шаркающий звук почти невесомых шагов стал ему ответом. За зеркальной гладью проступило ещё одно отражение. Мать приблизилась со спины: её силуэт в солнечных лучах казался тёмным пятном. Она осторожно приподнялась на цыпочках, и Нери заметил блестящий предмет в её руке. Зубья густого гребня острыми иглами вонзились в кожу головы. Нери вяло повёл шеей. На большее не хватило сил.

– Не дёргайся, – прошептала мать.

Неслышанное добросердечие! Первая реплика в его адрес за пять дней.

Пальцы матери, сухие и холодные, стремительно перебирали его тяжёлые волосы. Как же ему не хватало этих рук в моменты, когда душа хотела выплакаться! Для Нери эта запоздалая забота была сродни подачке, но он стойко принимал её. И даже ощущал, как за грудиной, где-то в районе сердца, разливается парным молоком нежность.

Ремешок перехватил волосы: крепко и надёжно. Мать оценивающе посмотрела на результаты своего труда и натянула улыбку.

– Иногда я жалею, что ты уже не ребёнок, – хрипло проговорила она.

Нери недобро фыркнул. Когда ошибок уже не исправить, наступает время сожалений и покаяний. «А не жалеешь ли ты, что я вообще появился на свет», – хотел было сказать он, но сдержался. Лишние скандалы ни к чему. Периоды перемирий становились всё более короткими и зыбкими, важно было поймать момент и удержать его.

Обжигающее пламя снова вспыхнуло под рёбрами. Воздух внезапно стал терпким и вязким, реальность – чужой и отстранённой. Рельеф кухонных шкафчиков вздрогнул перед глазами: головокружение возвращалось вместе с тошнотой. Нери провёл сухой ладонью по лбу.

Мать встала рядом и положила руку на плечо. Два силуэта задрожали в зеркале под яростным обстрелом утреннего солнца. Две одинаковые пары глаз слезились.

– С чего это ты вдруг на меня внимание обратила, Лариса? – спросил Нери. Он всегда называл мать по имени, когда она приходила мириться первой.

– Я переживаю, Нери, – сдержанно выдавила мать. – Может быть, ты и не видишь, но это так. Вчера ты пришёл затемно и... Ты был пьян.

Вот это да: прямо Мёртвый континент открыла!

В животе зародилась горячая волна ярости и понеслась вверх, сметая всё на своём пути. Непереносимо-едкий запах ванили ударил в нос. Взгляд застелила трепещущая пелена, и Нери, было, подумал, что его снова вырвет. Оттепель растопила грубую корку льда, и теперь старые обиды и разочарования начали подниматься со дна на поверхность. Сдерживать слёзы становилось всё сложнее, и от этого делалось противно.

– Хочешь об этом поговорить?! – язвительно отозвался Нери, сбрасывая с плеча сухую материнскую ладонь. Эмоции кипели в сосудах, голос срывался в крик. – Восемнадцать лет ты молчала, а сейчас пришло время читать нотации?! Так?!

Лариса обожгла сына умоляющим взглядом. Рыжие волосы паутиной прилипли к щекам. Слеза соскользнула с её ресниц и побежала к подбородку.

– Нери, ты... – процедила она сбивчиво, – ты не знаешь, как я надеялась уберечь тебя от падения...

Досада свинцовой пулей вошла в грудь, вылетев промеж лопаток, точно в том месте, где кожу испачкало «клеймо грязных». Оставив мать позади, Нери широкими шагами поспешил в прихожую. Орнамент обоев проносился мимо, смазывая цветы и завитки в нечёткие линии.

– Я знаю, что восемнадцать лет был для тебя пустым местом! – взревел он. – Я был лучшим во всём, я превосходил сам себя только ради того, чтобы заслужить хоть толику твоего внимания, но в ответ всегда получал фигу! А сейчас ты внезапно решила покаяться, думая, что это залатает все чёрные дыры?! Знай: одного слова, даже самого искреннего, недостаточно, чтобы обернуть время вспять! А чтобы раны прошлого залечить – тем более!

– Нери, – мать поспешила следом. Ладони её мелко дрожали. – Я долгое время работала на двух работах, чтобы ты и твоя сестра ни в чём не нуждались и были сыты. Я уставала, и мне было тяжело изображать образцовую мать.

– Изобразить?! – Нери уже не сдерживал слёзы. Солёные потоки бежали по щекам и шее, затекая под воротник рубашки. – Любовь, доверие, сочувствие – это не подделывается! Это не требует сил! Пусть доказано, что эмоции – это только химия, но она нужна! Как железо, поступающее с пищей! Как кислород в воздухе, которым мы дышим! Как мои... таблетки...

Цвета вокруг стали яркими и насыщенными, контуры предметов смазались. Боль снова прострелила правую руку, подтверждая его слова. Нужно срочно записаться на приём к реаниматору территориальной службы и поговорить о повышении дозы высокоселективных иммуносупрессантов.

Нери спешно утрамбовывал ноги в ботинки. Голова отозвалась приступом тошнотворной боли, когда он наклонился, чтобы зашнуровать их. Квадраты половой плитки задрожали перед глазами. Пальцы запутались в узлах шнурков.

Как часто, глядя в пустые и отрешённые глаза матери, Нери хотелось закричать: «Я здесь! Я существую! Посмотри же на меня! Посмотри!» Но однажды до его сознания дошла простая истина: он не нужен ей. Это открытие не опустошило, не ошарашило, не сбilo с пути. Оно просто сплело в тугой узел несколько логических нитей, о существовании которых он знал и ранее.

Оно просто стало неотъемлемым элементом реальности, как чашка кофе поутру. Как общая с сестрой комната, разделённая ширмой пополам...

Как аутоиммунная плечевая плексопатия.

Головокружение накрыло штормовым приливом. Нери распрямился и откинулся на стену: поле зрения превратилось в калейдоскоп, играющий мозаикой цветных осколков. Реальность стремительно отдалялась. Только бы удержать равновесие!

– Не создавай иллюзий, – прошептал он, подняв на мать заплаканные глаза. – Никогда, слышишь? Я давно принял то, что ты меня не любишь. Пусть будет так. Только не притворяйся больше заботливой и сопереживающей, хорошо?

Лариса опустила покрасневшие глаза. Тяжёлый вздох сорвался с её губ.

– Нери, если я когда-нибудь причинила тебе боль, прости меня...

– Мне не больно, – сдавленно произнёс Нери, опустив развёрнутую ладонь себе на грудь. – Мне холодно. Вот здесь.

Тошнота снова подкатила к горлу натужным спазмом. Кисловатый привкус во рту воскресил в памяти вчерашний вечер, добродушное, широкое лицо Лихача... Да где это видано, чтобы отчим пёлся о пасынке пуще родной матери?

Нери сглотнул, подавляя рвотные позывы. Набросил ветровку и поспешил к выходу. Каждый шаг порождал всплеск ноющей боли в затылке.

Дверь громко хлопнула за спиной. Звук пролетел по лестничной клетке метеором, ударяясь о стены безлюдного коридора. Нери был рад этой пустоте: слёзы навек останутся их с матерью маленькой тайной. Наконец-то можно мысленно обозвать себя тряпкой! Он промокнул щёки салфеткой. Теперь лишь влажные пятна на воротнике рубашки напоминали о маленькой слабости.

Совесть перетянула сердце колючей проволокой. Как бы он ни презирал мать, какую бы обиду ни хранил в душе, он должен был остаться с ней сейчас, а не убежать в никуда, хлопнув дверью.

Стоило постучаться в родную дверь. Стоило вернуться обратно. Стоило обнять мать, извинившись за очередной скандал. Но он не мог переступить через себя...

Потому что от её слёз многолетний лёд превращался в воду.

3

Коридор пятого этажа факультета встретил химическим запахом краски, прохладой кондиционеров, белой пустотой стен и пугающим предчувствием неизбежного... Не успел Нери покинуть кабину лифта, как возбуждённый гомон голосов окутал его. Девичий смех прорывался сквозь гул, и Нери прикрыл уши, чтобы хотя бы на мгновение почувствовать себя в безопасности.

А безопасность сейчас была превыше всего. Потому что смеялись сегодня в его честь. От этого хотелось раствориться в воздухе, рассосаться, обрести невидимость.

Вчерашний вечер, определённо, привёл его на Доску нарушителей. Не стоит даже сомневаться – он накуролесил на прямое попадание в топ. Второй раз за три года обучения. Только на этот раз повод был более серьёзным, чем невинный поцелуй.

Как в подтверждение догадки, Нери заметил толпу студентов, сгрудившуюся в холле у Доски нарушителей. Юноши, едко злорадствуя, толкали друг друга; девушки кокетливо прикрывали рты. Озеро звонкого смеха растекалось вокруг, искрясь нотками переливов.

Одинокая красная строчка злоеще мерцала на самом верху экрана, приковывая взгляды. Ниже тянулся добрый десяток жёлтых. Нери точно знал, чьё имя выведено сегодня красными буквами. Это он, Нери 42, станет сегодня добычей безжалостных стервятников; и они, наверняка, уже готовы кинуться на запах кровоточащей плоти. Он кожей чувствовал их голод.

Рациональнее было бы сейчас укрыться от любопытных взглядов где-нибудь в подсобке. Чужие клевки равносильны медленной гибели под пытками.

Нери поймал взглядом отражение на зеркальной стене: ужасающий незнакомец всё ещё шагал рядом, и внушал отвращение своим присутствием. Как же хотелось прогнать его прочь: бледного, мятого и дрожащего! Но истина была обезоруживающей и горькой: убежать от себя невозможно. Осталось лишь обречённо пожать плечами. Сегодня этот сутулый тип – его верный спутник.

Ноги упрямо несли в толпу, прямо в гнездо голодных до чужой беды. Какая-то бессознательная часть Нери хотела убедиться в том, что роль всеобщего факультетского посмешища сегодня отведена действительно ему. Да и интересно будет посмотреть, сколько стипендиальных баллов сняли за нарушение.

Прочь сомнения: вот и первый звоночек! Три смеющиеся девушки прижали Нери к стенке около кабинета молекулярной биологии. Нудные и фальшивые члены студенческого актива. Сейчас начнутся нотации...

– А вот и Нери 42, один из лучших студентов третьего курса, – заискивающе пропела одна их девушек: крупная брюнетка с физиономией, как по циркулю. – Но так ли он хорош на самом деле?

Началось! Весь словарный запас утонул в вязкой жиже похмелья. Головокружение снова смазало поле зрения, превратив его в трепещущий рой ярких пятен.

– Да уж, получше тебя, – процедил Нери растерянно, – по крайней мере, к людям не пристаю.

– Сейчас проверим, – продолжила толстуха. – Сейчас узнаем, способно ли твоё сердце к сочувствию, Нери.

– Тридцать собак и сорок четыре кошки в приюте для бездомных животных нуждаются в срочном дорогостоящем обследовании и лечении, – продолжила девушка с едкими розовыми волосами и уродливой родинкой над верхней губой. – Хозяева предали их, люди причиняли им боль. Видел бы ты, в каком состоянии они находятся! Их души стонут и плачут, сердца обливаются кровью! Мы с девочками курируем их, покупаем пищу, оплачиваем пребывание и ночлежки. Но средств на всё катастрофически не хватает. И мы проводим акцию. Перечисли половину стипендиальных баллов в фонд помощи бездомным животным, сделай мир добрее! Уже четыреста пятнадцать студентов факультета участвуют в ней. Присоединяйся, не стыдись, Нери 42!

– К тому же, ты получаешь вдвое больше баллов, чем остальные, – хихикнула за спиной брюнетки сухенькая коротышка. – Тебе не жаль тратить стипендиальные баллы на алкоголь, но жаль отдать их тому, кто нуждается в них больше? Тебе не стыдно пройти мимо голодного котёнка, но стыдно поучаствовать в нашей акции?

Если это шутка или насмешка, то, по крайней мере, не так уж она и жестока. Нери гордо распрямил спину в готовности достойно ответить на атаку. Молчаливый помятый спутник, чёрной тенью плетущийся следом, скопировал движение.

– Стыдно? – Нери приподнял бровь. – Я с удовольствием помог бы особям с поломками и повреждениями или больным детям. А вот прерывать цепь естественного отбора... Да, пожалуй, мне стыдно идти против самой природы! Вот вам дельный совет: направьте свой энтузиазм в более полезное русло. В учёбу, например.

Девушки сконфуженно переглянулись, будто бы обдумывая коварный план. Нери окутал тонкий цветочный аромат духов, смешанный с душком чужого пота. От жутковатого амбре под рёбрами снова заплясали чёртики с факелами.

– Бессердечный! – возмутилась брюнетка. Круглое лицо её запылало яростью. – Человек в состоянии помочь себе сам! Он злоупотребляет своим положением в иерархии живых существ, истребляя своих меньших братьев! Животные, в отличие от него, не способны на предательство и жестокость! Кто им поможет, если не мы?!

Нери приснул: вот она, псевдомораль! Здравствуйтесь, двойные стандарты. Нет, он не видел ничего дурного в благотворительности, но искренне презирал фанатизм и позерство.

Впрочем, почему бы не проверить, насколько эти женские особи искренны в намерениях?

– Кошки дерут мебель, собаки пахнут псиной, – кивнул Нери, изо всех сил стараясь не рассмеяться. – Грызуны мне больше по душе. Вот что я вам скажу: в подвале студенческого общежития погибает несколько замечательных крысиных семей. У двухста крысят увеличена

печень от постоянного контакта с ядом и химикатами, им срочно нужна субклеточная томография. Жестокий человек убил их мать, запустив в неё допереломным резиновым сапогом. Они потеряли доверие к людям, их плач слышен даже на верхних этажах общежития, но в глубине души эти крысятки всё ещё верят в добро. Сырость подвала – верная смерть для них. Возьмёте их хотя бы на передержку, добросердечные вы мои, тогда, так и быть, помогу.

Он протолкнулся вперёд, разорвав полукольцо оцепления, и ринулся к Доске нарушителей.

– Фу, – закричала ему вслед сухенькая, – тварь безжалостная! Живодёр! Подумать только: крыс на курацию взять предложил! Этих мерзейших паразитов!

Но Нери уже не слышал гневную тираду. Интерес к девушкам, прикрывающим гордыню благой целью, был потерян окончательно и бесповоротно. Внимание приковала гудящая толпа студентов впереди.

Осиное гнездо... Сейчас придётся его разворошить! Он приближался на опасное расстояние, и сегодня он был обмазан сладким джемом.

Нери остановился. Вдохнул едкий запах свежей краски и мела. Ноги предательски задрожали. Ещё оставалось время передумать, развернуться и дать дёру. Он затравленно огляделся, ожидая нападок, но никто и глазом не повёл.

Стоп! Вот, кажется, и первая оса. Из толпы, по-спортивному пригибаясь к полу, выбежал ухоженный парень в цветастой рубашке. Известная на факультете личность: третьекурник Шале 487 по прозвищу Золотой Дракон. Заносчивый и легкомысленный, известный на факультете оратор. Речи Шале, правда, не всегда отличались логикой, но уж эмоциями изобиловали сполна!

Но сейчас Шале не был похож ни на пафосного альфа-самца, ни на золотого дракона. Он выглядел обескураженным и растрёпанным, как щенок из подворотни. Щёки его отчаянно полыхали. Во взгляде круглых карих глаз сквозило возмущение.

И – да – Шале непробиваемым танком шёл точно на него.

Дыхание остановилось на вдохе. Нери остановился, ожидая укуса.

Шале приблизился вплотную: карикатурно-крупный, мускулистый, подтянутый. С размаху опустил тяжёлые ладони на плечи Нери. От напыщенного кареглазого взгляда покорило. Никак, драться собрался. Только вот ответить Нери вряд ли сможет...

Отчаяние нарастало, заставляя колени дрожать. Настало время презирать самого себя: трусливого, слабого и беспомощного.

– Шале, может... – попытался Нери решить несуществующее противоречие.

Но прежде, чем он успел закончить, с губ Шале сорвался отчаянный визгливый вопль:

– Нери 42, ну хоть ты меня спаси от них!

Нери непонимающе взглянул в испуганные глаза Шале.

– От кого? – пробормотал он. – Как бы тебе меня спасти не пришлось...

– Глупые шутки, Нери 42!!! Харе приbedняться!

Крепкие пальцы обхватили плечи, впиваясь в кожу. Шале при никогда ещё не вёл себя столь странно и вызывающе. По крайней мере, не на памяти Нери.

Нери вздёрнул подбородок и уставился на Доску нарушителей. Сердце ушло в пятки, выдав сто двадцать ударов. «Шале 487» – дерзко выкрикивали позорные красные буквы. «Внебрачная интеграция» – гласило пояснение во втором столбце. Вздох облегчения вырвался из груди: сегодня Шале принял на себя роль жертвы и стал его невольным спасителем.

Имя Нери, к удивлению, было лишь четвёртым в списке. Сто пятьдесят баллов санкций и месячный мораторий на десерты – не так уж и страшно.

– Низменные первичные инстинкты, значит, побороть не смог? – усмехнулся Нери. Страх отступил в мгновение ока. – Как же так, Дракон?

– И ты туда же?! – Шале всплеснул руками. – Нери, прошу тебя, не рассуждай о том, о чём понятия не имеешь. С этим невозможно бороться!

– Возможно, если голова правильно работает, – подмигнул Нери. – Подумать только! Горделивый Золотой Дракон пал жертвой первичного!

Смуглое лицо Шале, обрамлённое бакенбардами, исказила гримаса недовольства; глаза засверкали, испуская молнии.

– Ты не знаешь, о чём говоришь, Нери 42! – прокричал он, толкнув Нери. – Такие как ты, рассуждают о Мёртвом континенте, не отрывая задницы от лежака! Да тебе просто завидно: ты же не узнаешь никогда, что это такое! С тобой даже последняя дурнушка не свяжется, потому что ты – грязный! Грязный!

За восемнадцать лет грязной жизни Нери ни разу не получал такого искреннего и откровенного оскорбления. Что ж, всё когда-нибудь происходит впервые.

Времена дискриминации по признаку генетической неполноценности минули лет пятьдесят назад, и теперь любая попытка унижения грязных жестоко каралась. Грязные уже давно могли жить полноценно, ни в чём себя не ограничивая: проходить все ступени образования, занимать высокие посты, заводить семьи и воспроизводить потомство. В литературе и текстах песен запрещалось использование слова «грязный»; в каждом кинофильме хотя бы один положительный герой обязан был как бы непреднамеренно продемонстрировать зловещую татуировку меж лопаток...

Однако многие грязных по-прежнему сторонились и не воспринимали всерьёз. Слишком уж долог был период дискриминации. Презрение к генетически неполноценным намертво закрепилось в коллективном сознании, как запах сырости и крысиного помёта в старом подвале.

– Не боишься, Шале?! – рявкнул Нери. Раздражение и злоба пошли горлом. – При свидетелях, всё-таки!

Но Шале, казалось, не слышал его.

– Грязнуля будет указывать мне, как я должен жить и с кем я должен интегрировать?! – взвопил он, с девичьей истерикой заломив руки. – Твоё дело, Нери 42, менять подгузники сестрице и не лезть в ту жизнь, которой ты никогда не сможешь вкусить!

Впрочем, Шале не желал продолжать спор. Показав Нери мускулистый зад, обтянутый модными лосинами, он поспешил прочь. Возмущённые вопли ещё долго доносились до ушей Нери, но и они в конце концов затихли.

Конфликт был исчерпан. Обида кипятком плескалась где-то внизу живота, но Нери старался держаться. Эмоции можно подавить, но нельзя позволять им подавлять тебя. Ничего ведь не изменилось от слов этой истерички мужского пола, всё осталось как прежде. Как прежде...

– Нери, ты правда грязный? – чьи-то руки заискивающе вплелись в волосы. – Грязные меня возбуждают...

Нери выстрелил косым взглядом из-за плеча: осторожно, чтобы не выдать раздражение. За его спиной накручивала его же волосы на палец высокая блондинка. Две пуговицы на её белоснежной блузке были расстёгнуты, вырез подчёркивал очертания крупной груди.

– А ты меня – нет, – ответил он, освобождая волосы из чужой хватки.

Блондинка наморщила нос, будто спасаясь от неприятного запаха.

– Ты что, поверил? – хохотнула она. – Да чтоб я с грязным связалась?!

– Руки помыть не забудь, – фыркнул Нери в ответ.

Нери двинулся к лифтам. По пути он прикидывал, что хуже: оказаться на Доске нарушителей в топе или прослыть грязным на весь факультет. Он с удовольствием забрал бы слова, сказанные в укор Шале, назад, если бы это повернуло вспять его судьбу и сохранило информацию об особенностях его генотипа под замком... Но, к сожалению, слово – не воробей. Ни он, ни Шале не смогли бы изменить то, что уже свершилось.

Самое мудрое, что Нери мог сейчас сделать – принять ситуацию такой, какая она есть. Нужно вести себя непринуждённо и спокойно, тогда никто не примет слова Шале всерьёз.

Непринуждённо и спокойно.

4

– Можно я присяду? – знакомый, богато окрашенный эмоциями, голос прогремел над ухом Нери, выводя его из оцепенения.

– А? – Нери приоткрыл глаза и повернул голову, осматриваясь. Перед глазами предстал лекционный зал с гладкими светлыми стенами, панорамными окнами и рядами столов. Обзорный экран у кафедры зиял чернотой. Двери были всё ещё разблокированы: значит, до конца перемены ещё есть время.

– Можно я присяду? – повторил голос раздражённо.

Нери поймал заспанным взглядом знакомую фигуру. Интересно, что пафосный альфа-самец забыл рядом с грязным?

– Шале? – проговорил он сонно.

– Нет, вырубись твой процессор, Господин Президент! – язвительно прокаркал Шале. – Конечно, это я. Пустишь рядышком?

Нери, изобразив глубокое презрение, отодвинулся на середину скамьи.

– Не перепачкайся, – процедил он сквозь зубы, – грязь хорошо заметна на золоте.

Шале сконфуженно скривил рот. Усики над его верхней губой изогнулись. Он присел на край скамьи, положив рядом красную лакированную сумку, и вытащил конспектор последней модели в мягком кожаном чехле.

Похоже, он решил обосноваться тут надолго!

– Я и хотел об этом поговорить, – произнёс Шале, внезапно потеряв уверенность и пафос. – То есть, не совсем об этом... Я сильно погорячился сегодня утром.

Нери отвернулся и принялся созерцать панораму города за окном. Его переполняло отвратительное ощущение, будто бы о его душу, как о половую тряпку, вытерли ноги. Шале предсказуем, как прочитанная книга: испугался, видимо, что он, как последний подлец, победит жаловаться в деканат!

Как же хотелось Нери оказаться там, за окном, в плену городских улиц. Как хорошо, наверное, быть потерянными фонарным столбом среди башен-высоток и гудящих арок воздушных дорог. Или планировать голубем под навесом сизых туч.

– Кто бы сомневался, – Нери спрятал глаза, подавляя внутри жар обиды.

– Сможешь это... забыть? – Шале с трудом подбирал слова. – Я еле отсидел две пары, всё думал об этом и покоя себе не находил...

Нери фыркнул. Подумать только, какие сюрпризы преподносит жизнь! Неужели Золотой Дракон жалеет, что обрыгал пламенем грязного пре-имаго? Было неловко, но не из-за того, что разговор затрагивал болезненную тему генетического несовершенства и дискриминации грязных. Шале по непонятной причине шёл на сближение. Это пугало и настораживало: пускать этого человека в душу не хотелось.

Нужно было сказать что-то, чтобы Шале побыстрее отлез.

– Забыть – нет, – отчеканил Нери, – но жаловаться не побегу, успокойся. Хотелось мне с этими актами возиться...

Гул голосов нарастал в геометрической прогрессии. В проходе сновали туда-сюда студенты. Кто-то безжалостно запустил в Шале смятой упаковкой из-под агарового мармелада. Тот лишь брезгливо сбросил слюдяной комок на пол, не поддаваясь на плоские провокации. Амбициозный собеседник, оказывается, умел прекрасно держать себя в руках.

Однако лицо Шале по-прежнему выражало крайнее недоумение. Слова Нери, казалось, не принесли ему ни облегчения, ни успокоения.

– Вот чёрт! – растерянно пробормотал Золотой Дракон.

Лампы на потолке замерцали. Огромные окна подёрнулись тонированной плёнкой. Звонящий сигнал оповестил, что до начала лекции осталось две минуты. Гомон внезапно затих: теперь лишь нотки робкого шёпота изредка прорывались сквозь тишину.

– С чего это ты так обо мне печёшься? – фыркнул Нери.

Шале сдавленно молчал, покусывая нижнюю губу. Капельки пота проступили на его лбу, смуглая кожа залоснилась.

– Твоё поведение должно иметь под собой какую-то причину, – повторил Нери более настойчиво. – Просто скажи, что тебе от меня нужно?

– Раскаяние – вот причина! – Шале рьяно всплеснул руками. – Мне стыдно, Нери! Я ведь всегда уважал тебя и восхищался твоим интеллектом! А сегодня, после того, как ты меня подколол, что-то в голове переклинило...

– Давайте потише! – пролетел над залом строгий голос, прервав пламенную речь Шале, – не одни вы тут!

В первом ряду мелькнуло покрасневшее лицо Гандивы 2, похожее на перезрелый помидор. Его медные волосы струились над выдающимися, острыми скулами, взгляд осуждающе пилил Нери.

Нери лишь ухмыльнулся ему в ответ. То, что он когда-то называл Гандиву другом, сейчас казалось удивительным. Отношения между ними давно сошли на нет: то ли из-за бесконечного духа соперничества, то ли из-за того, что Гандива всегда стремился сломить Нери попытками перевоспитания. Нери, в общем-то, об этом не жалел. Этот тиран с комплексом Наполеона может и дальше прикидываться властелином мира, но он никогда не пригнёт к колену Нери 42: слабого, но гордого.

– Эмоции – это не аргумент, – произнёс Нери сдавленно. Тяжёлый взгляд Гандивы по-прежнему стоял перед глазами, как предвестник беды.

– Я не знаю, как с тобой разговаривать! – Шале по-девичьи надулся, отвернувшись. Налакированная длинная чёлка загордила самодовольный взгляд.

Звук его голоса утонул в протяжном гудении дверей. Проём сомкнулся до тонкой линии, а затем исчез вовсе. Профессор степенными шагами прошёл к кафедре и включил обзорный экран. Разноцветные круги резво заплясали по чёрному полю.

Нери потянулся за ручкой конспектора. Пальцы жадно обхватили прохладный металл. Знакомая боль возродилась фениксом, отчаянно обожгла кожу чуть выше плеча, побежала вниз по нерву. Кулак разомкнулся, встретив её напор. Ручка грохнулась на стол, отразив электрический свет ламп.

– Вот дерьмо! – шёпотом выругался Нери. Он предпринял ещё одну попытку взять ручку. Ужас пробежал кипящими пузырьками по сосудам, оглушив. Пальцы не слушались. На столе лежала безжизненная рука манекена.

– Этого только не хватало!

Нери изо всех сил старался совладать с собой. Дыхание участилось и стало отдавать хрипотцой. Во рту появился знакомый, едкий привкус металла. Мозг упорно отсылал пакеты команд по нервам, призывая кисть сжаться в кулак. Кончики пальцев надрывно дёрнулись, царапая полированную поверхность. Результат был неудовлетворительным, но он был.

– Что-то случилось? – заискивающе зашептал Шале над ухом.

– С чего ты взял? – фыркнул Нери, не отрывая глаз от конспектора.

Мозг не оставлял настойчивых попыток расшевелить руку. На этот раз пальцы почти сомкнулись. Откладывать визит к реаниматору нельзя. Сегодня, как только двери факультета захлопнутся за ним, Нери побежит в клинику, сверкая пятками!

– Ты выглядишь расстроенным и обескураженным, – пробормотал Шале растерянно.

Нери сжался в комочек, стараясь оградить себя от навязчивого желания Шале читать его эмоции. Но, тем не менее, он не мог обманывать сам себя дальше и отрицать то, что тронут внезапной заботой.

Монотонный голос лектора плыл двоящимся облаком над залом, но Нери уже не стремился поймать основную тему лекции. Мысли находились далеко и отливали отнюдь не радужным сиянием. Нери сложил руки и опустил на них голову, словно собираясь вздремнуть. Теперь торец стола надёжно скрывал его от лектора. Пожалуй, это единственный способ не подставить себя: сегодня записывать умные мысли за Профессором он точно не сможет.

– Прости меня, Шале, – проговорил Нери неожиданно, не ожидая от себя. – Я был неправ, когда начал над тобой издеваться утром. Как ты сам ни скажешь: в голове переклинило. Я почувствовал себя одним из этих стервятников...

Он обвёл осторожным взглядом аудиторию.

– Я не сел бы сюда, если бы злился, – Шале сдвинул брови. – Неизбежна судьба того, кто попал в топ нарушителей. Я принял это ещё вчера ночью. Это был мой выбор, я его хорошо осознавал. Но до последнего на что-то надеялся.

– Завтра у них появится новая мишень, и они забудут о тебе и твоей оплошности, – кивнул в ответ Нери. Он виновато улыбнулся, ощущая, как страх отступает прочь. Сделать шаг навстречу оказалось не так уж и сложно.

Шале поймал улыбку и подмигнул ему в ответ:

– Можешь снова обвинить меня в отсутствии здравого смысла, но знай: я ни о чём не жалею. И, если бы время обернулось вспять, я поступил бы так же.

– Хороша твоя Принцесса, Золотой Дракон?

– Ты даже не представляешь, как! – губы Шале тронула улыбка, сделав его лицо открытым и красивым. – Я всегда выбираю самое лучшее!

Повисло неловкое молчание. Лишь тирада лектора неслась над головами. Пыльный воздух трепетал и содрогался.

– Это хорошо, – в конце концов сказал Нери. – К вам теперь пристанут надолго и точно попытаются поженить... Будь к этому готов.

– Да знаю я, – недовольно сморщился Шале. – Я-то, считай, выкрутился без потерь. Но не представляю, каково ей сейчас...

Он открыл сумку и извлёк бумажный пакет. Пошуршав вощёной бумагой, достал протеиновый пончик с шоколадным кремом.

Тошнота снова ударила Нери под дых, во рту появился неприятный кислый привкус.

– Будешь? – Шале протянул пакет.

– Перед смертью не надышишься? – усмехнулся Нери, покачав головой. – Нет, спасибо.

– Что-то вроде того, – кивнул Шале, прокусывая хрустящую корочку. Крем шоколадными разводами отпечатался на его верхней губе. – А что, грязные не едят пончики?

Нери приснул. Теперь слово «грязный» из уст Шале прозвучало даже забавно. Стоило ли обижаться?

– Мораторий на жареное, – пояснил Нери, – с пятнадцати лет.

– Ясно, – коротко отреагировал Шале, – ты, смотри, не самый счастливый человек.

Нери снова попытался сжать кисть. На этот раз она послушно подчинилась. Полировка стола скрипнула под пальцами, костяшки упёрлись в щёку. Страшные вещи всегда происходят в самый неподходящий момент. Следующее занятие – зачёт по самообороне, и если рука подведёт, можно будет распрощаться со стипендией.

– Откуда ты узнал, что я грязный? – поинтересовался Нери. – И о моей сестре?

– Многие догадываются, – развёл руками Шале. – Я лишь слышал сплетни от других. Кто-то из ребят заметил, что ты всегда распускаешь волосы перед тем, как переодеться к само-

обороне. И надеваешь рубашки с застёжкой, чтобы воротник не поднял шевелюру. А ещё у тебя освобождение от бассейна.

– Я освобождён из-за того, что плавать не умею, – возразил Нери.

Нери не лгал: он действительно принадлежал к тем немногим, кто в воде кирпичом идёт ко дну. Но у него была и ещё одна правда. Своя. Доказать преподавателю, что он не умеет плавать, не составило бы труда. Нери мог даже пройти освидетельствование у реаниматора высшего нервного профиля, документально подтвердить свою фобию и получить, в конце концов, освобождение. Но ещё на первом занятии Нери заметил контуры стрелы, направленной вниз, на спине преподавателя и понял, что договориться с ним будет несложно. Грязные всегда хорошо понимали друг друга.

– Татуировки у тебя никто не видел, – подтвердил Шале, хрустя пончиком. Он согнулся вдвое, почти уйдя под стол. – Ты молодец, хорошо маскировался.

– Это несправедливо, Шале, – протянул Нери, вдыхая навязчивый запах ванили и мальтозной пудры, – несправедливо, что нас считают отбросами. Несправедливо, что нас заклеили, как скот. Встречать по рангу – удел глупцов.

– Не будь занудой, – Шале наградил его задумчивым взглядом. – Это не конец света.

– Ш-ш-ш-ш-ш-ш! – над рядами пронёсся сердитый возглас. Несложно было догадаться, кто снова решил выпендриться. – Я ничего из-за вас не слышу!

Нери приподнял голову над столом. Холодные голубые глаза Гандивы по-прежнему целились точно в его лоб.

Профессор стукнул кулаком по кафедре, сердито что-то пробурчав.

– Вот язва! – прошептал Шале с досадой. – Смотри, он что-то задумал!

Гандива поднялся со своего места и уверенной походкой двинулся к лектору. Его чисто вымытые, чуть взлохмаченные волосы отливали медью в лучах ламп. Подойдя к Профессору, он салфеткой отвёл акустический усилитель в сторону и принялся что-то объяснять, сдержанно жестикулируя. Пожилой профессор лишь качал головой в ответ. Пару раз он резким жестом показывал Гандиве на его место, призывая вернуться за стол, но тот и не думал останавливаться.

– Стучит, скотина, – Нери сжал зубы: он точно знал, кто сейчас попадёт под раздачу.

– В дверь выкинут – в окно залезет, – Шале кивнул, подтверждая догадки. – Та ещё падла!

Ярость и отчаяние обжигали грудь Нери, частый пульс гулко отдавался в висках. Молодец, Гандива, держи пончик! Сколько же терпения нужно, чтобы дождаться момента, когда Нери проколется! Какой отвагой надо обладать, чтобы надавать по слабому месту чужими руками. И неважно, что в подковёрных интригах Гандива 2 не силён. Главное, что, как ни крути, в данной ситуации он прав, и никто его за это не осудит.

После очередного настойчивого жеста Профессора, Гандива развернулся и поспешил на место. Лицо его пылало болезненной краснотой, взгляд голубых глаз был холодным и безжалостным.

Нери скривился, на всякий случай, набрав в грудь воздуха. Сейчас грянет взрыв!

– Нери 42! – Профессор снова развернул усилитель к себе, – о чём только что шла речь?

Нери разогнул колени, приподнявшись над столом:

– Второй постулат Бора, Профессор.

– Сформулируйте! – приказал лектор.

– Правило частот, – выпалил Нери. – Излучение света происходит при переходе атома из стационарного состояния с большей энергией в стационарное состояние с меньшей энергией...

Шале слева от Нери поперхнулся то ли от смеха, то ли от удивления.

– Покажите Ваш конспект, – перебил Профессор.

– Но... – воскликнул Нери, опешив, – я же ответил...

Добрая сотня глаз сверлила Нери. Злобные хищники почуяли лёгкую добычу, их уже будоражил солоноватый запах свежей крови. И вожак стаи восседал в первом ряду: горделиво, с прямой спиной. Как и обычно, безмятежный, но готовый к броску в любую секунду.

– Покажите, – повторил Профессор. – Спуститесь к кафедре, снизойдите до моего уровня, Нери 42.

Ядовитые смешки пронеслись над залом. С трудом перебравшись через торчащие коленки Шале, Нери двинулся к Профессору. Ряды столов, усеянные десятками любопытных глаз, стремительно поплыли назад. Тревога затрепыхалась внутри, мешая дышать.

Он остановился напротив кафедры и протянул Профессору конспектор с пустым электронным листом.

– Пожалуйста.

Профессор требовательно, но беззлобно посмотрел на Нери. Морщины нитями паутины разбежались из уголков его глаз.

– Да-а-а, – процедил Профессор с долей издёвки, глядя на пустоту экрана, – и это Нери 42. Один из лучших. Я надеюсь, у Вас есть, что сказать в оправдание?

– Есть, – Нери с вызовом посмотрел на Профессора. Кровь в его сосудах кипела, обдавая тело жаром.

– Так встаньте лицом к аудитории и скажите! Смелее!

Нери обернулся. Сотни взоров нацелились на него, превращая в живую мишень. Сотня отравленных пуль готова была поразить его в самое сердце, не оставив и шанса на выживание.

«Гандива, ты – моральный урод! – вертелась в голове Нери истошная речь: настоящий крик души. – Ты – мерзкая трусливая крыса! Ты идёшь по головам слабых, считаешь только с собственными целями! Ты вылизываешь тарелки сильных, завоёвывая их расположение! Но все знают, почему ты здесь и кто стоит за тобой. Все победы, которых ты достиг – дело чужих рук. На самом же деле ты – пустое место, и ты сам это знаешь. Ты ограничен и недалёк. Ты и гроша ломаного не стоишь!»

Рот Нери приоткрылся, язык подтянулся к нёбу в готовности выдать пламенное признание. Придавленный аффектом, он сделал шумный вдох и захлебнулся воздухом. И тут же хрипло откашлялся.

– Держите себя в руках, Нери 42, – услышал он шёпот Профессора за спиной. – Не опускайтесь. Не лезьте в эту грязь.

– Я... – пробормотал Нери, отдышавшись.

Сдавленные смешки полились с задних рядов. Нери пристыжено опустил голову, рассматривая свои ботинки. Кретин, да и только! Мог бы – надавал бы Гандиве по пятое число!

– У Вас есть что сказать? – повторил профессор.

– Н-нет... – Нери попытался выдавить сдержанную улыбку. – Нет!

– Хорошо. Нет, просто замечательно, что Вы воспринимаете всё на слух и умудряетесь делать несколько дел одновременно. Можете вернуться на своё место, – выдавил Профессор.

Нери двинулся в четвёртый ряд. Голос Профессора снова загремел за спиной. Лекция, как ни в чём не бывало, продолжалась. Студенты с любопытством перешёптывались, когда он проходил мимо, но реплики не долетали до ушей. Все шумы заглушил напряжённый звон в голове.

– Вот и меня опозорили, – разочарованно проговорил Нери, бухаясь на скамейку рядом с Шале. – Я уж думал, что пронесло...

– Ты что, – протянул Шале в ответ, – он сейчас совсем не тебя идиотом выставил...

Нери вздрогнул. Странные слова, которые произнёс Профессор для него одного, воскресли в памяти. Он представил, как выкрикивает пламенную речь, посвящённую Гандиве, у всех на виду, и дрожь побежала по коже. Поступить, как недалёкая истеричная девчонка, идя на поводу у своих эмоций – что может быть безрассуднее? Совесть загрызла бы его, когда к

нему вернулся здравый смысл. Он не пережил бы такого позора и, наверное, предпочёл бы броситься в лестничный пролёт...

Ну, или под монорельс. Чтобы быстро и качественно.

Месть – это блюдо, которое подают холодным. Пожалуй, полутора часов лекции по квантовой физике будет достаточно, чтобы остыть.

– Дай-ка пончик, – прошептал Нери, протягивая руку в сторону шуршащего пакета.

Воздух насытился запахом ванили и шоколадного крема.

Нери точно знал, что он должен делать.

5

– Ты думаешь, он так просто это оставит? – выпалил Нери. Раскаяние уже действовало на нервы. Сердце колотилось чаще, стреляя разрядами пульса в виски. Пожалуй, нужно было подождать пару дней прежде, чем мстить. – Я не смогу драться с ним.

– Взбодришься, – Шале стянул рубашку. – Я прикрою если что. У меня тоже руки чешутся.

Раздевалка для юношей пахла сыростью, спортивным инвентарём и одеколоном. Оштукатуренные стены хранили в глубине трещин отпечатки баталий. Стройный ряд деревянных шкафчиков выстроился у дальней стены. Точно напротив, под потолком болталась устаревшая конструкция голографического проектора, разбавляя обыденность бурчанием диктора.

Нери с недоверием посмотрел на Шале. Тот, как ни в чём не бывало, продевал мускулистые бицепсы сквозь рукава спортивной футболки. Неожиданно обретённый товарищ за два часа дружбы уже успел стать его сообщником.

Хлопчатобумажная ткань обтянула широкие лопатки... Полутора часами ранее эта спина прикрывала Нери, пока тот мазал конспектор и лямки рюкзака Гандивы шоколадным кремом. Грозному старосте пришлось отлучиться по малой нужде в начале перемены. Видимо, дело не терпело настолько, что Гандива счёл допустимым оставить вещи без присмотра. Не воспользоваться счастливой случайностью Нери не мог.

Квадратная физиономия диктора плыла над раздевалкой, шевеля губами. Сюжеты, облачённые в форму голограмм, сменяли друг друга, но каждый новый походил на предыдущий. В городе не осталось иных новостей, кроме как о водяном бешенстве.

– Первые признаки болезни – немотивированная усталость, фебрильная лихорадка, гиперемия кожных покровов, мышечная слабость, – информировал главный городской реаниматор. – Возможны, но не обязательны психоэмоциональные нарушения. Например, придиричливость, различные бредовые идеи.

– Наш товарищ-то, кажется, болен этой дрянью, – Шале подмигнул. – Может, сдадим его в лечебницу?

– Шутки шутками, – подал голос Нери. – И всё равно я боюсь, что он нажа...

Его фразу прервал натянутый скрип двери. Отдалённый грохот стрельбы ворвался в раздевалку: предыдущая десятка юношей уже сдавала зачёт. В узкое пространство помещения ввалились, переговариваясь, пятеро парней с потока. Нери поспешно закрыл рот, боясь сболтнуть лишнего.

– Нери, я бы сторонился его на твоём месте, – гоготнул один из парней, бесцеремонно тыча пальцем в Шале. – Кто знает, с кем ему сегодня развлечься захочется.

Зловредное хихиканье раскачало воздух.

– Ой, да заткнись уже, я девушек предпочитаю, – парировал Шале, томно закатив глаза. – Тебе моё общество точно не светит!

Нери поднял руки к волосам, чтобы по привычке распустить их, закрыв «клеймо». Сердце колотилось, как огромный тамтам. Он уже жалел о содеянном и страшился возмездия. Один лишь факт радовал: согласно нумерации по числовым коэффициентам, Гандива сдавал зачёт во второй десятке. Они с Шале шли в четвёртой. Значит, Староста всемогущий уже покинул факультет и отправился домой. Естественно, с круглой сотней. Иначе и быть не могло...

Пальцы Нери нащупали тугую полоску ремешка. Правое плечо в очередной раз запылало огнём боли. Подумав немного, Нери опустил руки, как ни в чём не бывало. Теперь нечего бояться: все и так уже знают о том, что он – клеймённый.

К его удивлению, никто из ребят не подал голоса, пока он натягивал футболку. Лишь Шале тихонько спросил, не скрывая неподдельного удивления:

– А это очень мерзко, да?

– Что мерзко? – переспросил Нери.

– Когда тебе обновляют татуировку, – проговорил Шале не без смущения. – Говорят, это каждые три года делают, до самого совершеннолетия.

Нери поймал взглядом глубокую молнию трещины на стене и закусил губу. Наверное, именно так чувствует себя женщина, которую регулярно избивает муж, на приёме у реаниматора психоаналитического профиля. Нет, ему никогда не было больно на процедуре обновления. Дело было совсем в другом. Обновление – это очень унижительно. Будто бы дурная компания поймала в подворотне и, упиваясь превосходством сил, превращает тебя в ссаную тряпку.

– Они очень хорошо обезболивают, – наконец произнёс Нери. – Только потом несколько дней с биоплёнкой ходить тяжеловато.

Дверь снова распахнулась, впустив в раздевалку поток прохладного воздуха. Кто-то беззвучно зашёл внутрь. Голоса внезапно стихли. Потом чей-то робкий говор осмелился его нарушить:

– А ты р-разве н-не отмучился уже?

– У меня было срочное дело, – до боли знакомый возглас раздался сзади. – Буду сдавать с вами.

Только не это!

Дыхание Нери перехватило. Стараясь не подавать испуга, он бросил осторожный взгляд через плечо.

Да, это был он, несравненный Гандива 2. Лучший из лучших. Коренастая фигура, увенчанная шапкой медных волос, сосредоточенно топталась у противоположной стены, меняя идеально вычищенные белые ботинки на кеды. Тоже идеально белые. Гандива уже успел где-то переодеться в спортивную майку и широкие тренировочные штаны. Жирный шоколадный крем, наверное, был слишком хорошо замечен на белом шёлке его рубашки.

Странно, что тень, которую он отбрасывает, чёрного цвета, как и у всех.

Гандива держался с изумительным спокойствием. Пальцы его не дрожали, колени не подкашивались, дыхание было ровным и глубоким, движения – медленными и сосредоточенными. Ни одна лишняя эмоция не искажала его каменной мины.

Шале пихнул Нери локтём в бок:

– Не пались!

Нери напряжённо засопел. Дабы отвлечься от навязчивых мыслей о разоблачении, он принялся вслушиваться в холодный голос диктора.

– Далее заболевание входит в фазу разгара, – врезалось в уши высокомерное бормотание: главный реаниматор продолжал санпросветработу. – Именно в этот период человеческая особь становится заразной для окружающих. Температура тела после кажущегося периода благополучия резко повышается. Нарастает эмоциональная лабильность. На теле больного появляются язвы с серозным отделяемым, предположительно, содержащим возбудитель болезни. Развиваются двигательные нарушения: повышается мышечный тонус, возникают тонические и клонические судороги.

– Говорят, от этой ерундовины погибло уже человек пятьсот, – Шале постучал Нери по плечу, отследив направление его взгляда. – Только власти молчат, дабы панику не нагнетать. Что думаешь?

– В городе давно уже объявили бы карантин, – пробормотал Нери, закрывая шкафчик с вещами. – Помнишь рыбий грипп в 2340-м? Три летальных исхода, а уже чрезвычайное положение включили.

– Согласно последним данным, – продолжал диктор, – эпидемия вызвана утечкой тайно разработанного вируса из подводной биологической лаборатории близ берегов северной окраины Иммортеля. Утечка вируса остановлена, ведётся следствие. Но ситуацию осложняет то, что больные особи могут заражать других...

– Кто знает, что в мыслях у Господина Президента? – Шале пожал плечами. Мощные бугры мускулов вздулись под тонкой тканью футболки. – Может, он и сам в это не верит.

– Приготовиться на выход, – громогласно заверещал динамик, вмонтированный в стену. – Виссарион 4, Нери 42, Акси 4235, Илья 448989, Лилиан 45, Андрон 459, Лачино 470, Илья 47873, Шале 487, Сатурн 49 и Гандива 2.

Парни, закончив приготовления, столпились у дверей раздевалки плотной шеренгой.

– Ни пуха ни пера, – неловко пробормотал Нери, обращаясь к своему новому другу.

– К чёрту, – махнул рукой Шале и самоуверенно улыбнулся.

Толпа окружила Нери. Он почувствовал себя селёдкой, зажатой в бочке с маринадом, меж обезглавленных тел сородичей. Отступить было некуда: впереди маячила безрадостная перспектива позора. Оставалось лишь надеяться на то, что рука его не подведёт.

6

Шлёпающий звук пронзил прохладный воздух тренировочного зала. Из дула бластера вырвался ядовито-зелёный луч. Манекен в двадцати метрах впереди и не покачнулся. Инертное перекрытие позади муляжа с шипением поглотило кислотную вспышку.

Лачино промазал в третий раз. Впрочем, никто и не ожидал от близорукого хилака большего. Электронное табло над отсеком для стрельбы выдало результат: двадцать один балл из ста возможных. Для сдачи зачёта нужно было набрать хотя бы пятьдесят.

Пальцы Нери зашлись мелкой дрожью, когда взгляд поймал разочарованную физиономию Лачино, закрытую громоздкими очками. Хотя результат первых двух испытаний и позволял рассчитывать на максимальный балл, ощущение, что рука снова может отказаться слушаться, не оставляло. Это чувство было навязчивым, давящим и почти осязаемым. Нери глубоко вдохнул в попытке остановить приступ паники и откинул голову назад.

– Хватит трястись уже! – взвизгнул Шале, пихнув Нери. – Бесишь! После того, как ты с первого удара уложил манекен на лопатки, ты ещё чего-то боишься? Пока ты – лучший, и ты это прекрасно знаешь!

Нери наморщил лоб и поправил:

– Я и Гандива.

– Он нереально ступил на ситуационке, – возмущённо протараторил Шале. – Лачино и то лучше справился, если по мне.

Нери зажмурился, пытаясь побороть негодование. Шале глаголил истину: Гандива не смог защитить себя при моделировании обрушения бытовой конструкции. Но тренер оперативно сменил ему задание: наезд миникапа – что может быть легче? Нери же досталось спонтанное возгорание вагона монорельсового состава, и он умудрился не только честно отбегать своё в языках голографического пламени, но и спасти большую часть манекенов.

– Но у него – сотня за ситуационку, тем не менее, – возразил Нери, стараясь держать себя в руках. – Как всегда. Как и у меня.

Шале сложил руки на груди и кинул гордый взгляд в сторону старосты. Чувствовалось, что ситуация с Гандивой раздражает его не меньше, чем Нери. А уж демонстрировать недовольство с талантом заправского актёра он всегда умел.

– Вот именно, что как всегда, – щёки Шале вспыхнули. – А правду всё равно видно. Она, как шило – в кармане не утаишь. Если даже и умудришься это сделать, то воткнётся сам понимаешь куда. Тебе бы такую же поддержку, Нери 42.

Гандива, между тем, готовился принять эстафету в стрельбе. Голубые льдинки глаз лучшего из лучших осматривали спусковой механизм бластера. Пальцы с коротко остриженными ногтями сжимали антисептическую салфетку.

Нери зевнул.

– Борьба с учебным произволом равносильна сражению с ветряными мельницами, – лениво проворчал он.

– Эй! – Шале хлопнул Нери по плечу. – А ну не раскисай! Помнишь, что ты сказал мне? Встречать по регалиям – удел глупцов.

– По рангу, – поправил Нери.

– Какая, к чёрту, разница? – усмехнулся Шале. – Ты сейчас десятку сделаешь с первого раза! Вот увидишь!

Нери взмахнул рукой, чуть не задев щетинистый подбородок Шале. По разгорячённой физиономии Золотого Дракона было заметно, что не очень-то он верит в сказанное.

Между тем, Гандива принял бластер из рук предыдущего экзаменуемого и старательно обтёр спусковой механизм салфеткой. Положив громоздкую конструкцию на крепкое плечо, он прицелился и нажал спусковой крючок. Жёлто-зелёная вспышка озарила зал, молния луча с присвистом рассекла воздух. Манекен вдалеке дёрнулся: лазерный луч пробил мишень, укреплённую на его груди, почти по центру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.